

МОСКОВСКИЙ ХРОНОГРАФ

МХ

И. Е. Забелин

ИСТОРИЯ ГОРОДА
МОСКВЫ

ОТ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО ДО ПЕТРА I

Московский хронограф

Иван Забелин

**История города Москвы. От
Юрия Долгорукого до Петра I**

«ВЕЧЕ»

2006

Забелин И. Е.

История города Москвы. От Юрия Долгорукого до Петра I /
И. Е. Забелин — «ВЕЧЕ», 2006 — (Московский хронограф)

ISBN 5-9533-0963-5

Данная книга является первой частью заключительного труда выдающегося исследователя Москвы И.Е. Забелина, в котором подробно и систематически описывается многовековая история российской столицы. Повествование книги охватывает период роста и развития Москвы в XII–XVIII веках. Описания московских зданий, улиц и площадей поражают читателя своей детальностью и яркостью изображения, перенося его в самую гущу событий московской жизни минувших столетий.

ISBN 5-9533-0963-5

© Забелин И. Е., 2006

© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

Предисловие	6
I	12
II	24
III	45
1. Общий обзор	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Иван Забелин
История города Москвы. От
Юрия Долгорукого до Петра I

При подготовке данной книги редакция, придерживаясь оригинальной версии издания, по возможности сохранила его внутреннее оформление, а также авторскую орфографию, грамматику и пунктуацию

Предисловие

Московская Городская Дума еще в 1877 г. по предложению почтеннейшего своего гласного Н. А. Найденова в заседании мая 25 озаботилась необходимостью иметь подробное историческое описание города Москвы. В ответе на это предложение, очень сочувственно принятое и Городским Головою С. М. Третьяковым, тогда же (10 июня) для обсуждения этого дела была избрана особая Комиссия в составе председателя Н. А. Найденова и членов: И. С. Аксакова, В. Д. Аксенова, П. Н. Батюшкова, А. П. Богданова и Д. А. Наумова.

Кроме Н. А. Найденова, положившего благое начало этому городскому предприятию, живейшее участие в его обсуждении и разъяснении и в постановке всего дела на правильную твердую дорогу принимал также гласный Думы М. П. Щепкин, издававший в то время «Известия Городской Думы».

Вопрос обсуждался неторопливо, и в 1880 г. Комиссия представила в Думу доклад, определявший следующие предположения:

«Все сколько-нибудь известные описания Москвы, издававшиеся до сего времени, далеко не обнимают собою всех сведений, которые должны найти место в полном описании; что последнее, во всяком случае, должно быть подробным во всех отношениях – историческом, топографическом, статистическом; что такое обширное ученое предприятие не может быть исполнено непосредственно силами Городского Управления, а должно быть поручено посторонним лицам; что город должен принять на себя в этом предприятии участие только материальное...»

Затем Комиссия указывала, что первым делом этого предприятия должно быть собрание и разработка еще никем нетронутого архивного материала с составлением надлежащей программы для предстоящих работ.

В самом начале 1881 г. руководство этим делом и составление самого описания Москвы Дума возложила на автора подлежащей книги, который и составил требуемую программу или краткий обзор предметов и тем, долженствующих занять свое место в предположенном описании города. Эта программа заключала в себе следующее:

Предполагаемые задачи историко-археологического и статистического описания города Москвы

Общая задача этого труда обнимает подробную историю и статистику города Москвы, то есть ход его исторического развития с первых времен и обзор его состояния в последовательные периоды его жизни во всем объеме его бытия и быта политического и религиозного, умственного и нравственного, общественного и домашнего, торгового и промышленного, ремесленного и художественного, экономического или хозяйственного и материального или строительного.

Эта общая задача в раскрытии, распределении и обработке ее подробностей может быть выполнена в двух видах:

I. Под видом исторического повествования, в котором будут представлены полные и подробные, но общие обозрения истории города и его состояния в последовательные периоды этой истории, с присовокуплением историко-археологического описания существующих памятников и замечательных в историческом отношении местностей.

II. Под видом собрания в одно целое разнородных материалов, касающихся истории, археологии и статистики города Москвы:

А) не обработанных, в составе летописных и других сказаний, разного рода актов, документов, деловых записок и других бумаг, и

Б) обработанных, в составе особых исследований, изысканий, описаний, извлечений, сокращений из деловых архивных бумаг по различным крупным и мелочным частным вопросам и задачам истории, археологии и статистики города.

Отдел исторического повествования, или общего историко-археологического и статистического описания города, и этот второй отдел частных специальных исследований и собрания материалов по истории и статистике города Москвы будут иметь в виду следующие задачи:

Москва-Город прежде всего есть место и жилище, стены и дома; поэтому первая из частных задач предположенного труда заключается в истории постепенного топографического распространения города, начиная с его первосельцев, аборигенов этой местности.

Сюда входят все дробные истории каждого городского места-урочища, каждого храма, в смысле основы поселения, каждой площади, улицы, переулка, по возможности каждого сколько-нибудь замечательного двора и дома, с показанием происходивших перемен в расположении и устройстве заселенного пространства.

Сюда входят: история и способы постройки городских стен, ворот и башен; способы постройки домов, устройства дворов, садов, прудов, огородов; способы мощения улиц, способы их освещения в ночное время; способы уборки нечистот; способы предупреждения и тушения пожаров; способы водоснабжения и, вообще, история и статистика всех статей и порядков, служивших внешнему строительному городскому благоустройству.

С другой стороны, общая задача рассматривает Москву, как совокупность людского общежития. Это город-люди с их знаниями, нравами, обычаями, мыслями, чувствами, с устройством и уставом их городского быта и управления во всех его видах и потребностях.

Исторический и статистический обзор этих подробностей сам собою распределяется на многие отделы и особые статьи.

Впереди других здесь должна стоять история городского правительства и управления или история городской власти, земской, посадской и государевой. Сюда относятся:

Виды и порядки самоуправления в древнее время.

Устройство Приказного управления.

История главных начальников Москвы и их деятельность на пользу города.

История Московской Полиции, как особого учреждения.

История Городской Думы, как особого учреждения.

История и статистика городского хозяйства, поскольку они выражаются в числовых данных городского бюджета. Городские сметы и отчеты. Городские доходы и расходы. Городские капиталы. Законы, правительственные и административные меры и распоряжения, касающиеся городского хозяйства.

История Управ купечества, мещанства и ремесленных цехов. История и статистика их хозяйства.

Состав городского населения и его статистика с древнего и до последнего времени. Городское землевладение.

Тяглое и свободное население, посадское и служилое. Тяглые, белые, церковные и крепостные земли. Внутреннее устройство посадского населения.

Слободы и Сотни: торговые (гостиная, суконная Сотни), промышленные, ремесленные, казенные и черные или земские. Ямские и стрелецкие слободы. Их земли.

История и статистика каждой Слободы и Сотни в отдельности.

Братские съезжие дворы.

Иноземческие Слободы и места поселений: Немецкая, Армянская, Грузинская, Цыганская, колония Французов и пр.

История Стрелецкого населения как гарнизона Москвы. Последующая история военной комендантской части. Военные постой и казармы.

История церковных приходов, существующих и упраздненных. Историко-археологическое описание храма в каждом приходе. Церковная земля. Состав причта.

Состав приходского населения с указанием известных и знатных личностей, живших в приходе. Так как многие приходы были собственно городскими слободами, то их история необходимо сливается с историей упомянутых слобод.

Уставы, порядки и обычаи приходского общежития. Приходское призрение бедных и другие дела и действия приходского мира.

Приходские кладбища.

Убогие дома.

История существующих загородных кладбищ с указанием известных памятных и знатных лиц, погребенных на каждом кладбище.

История Московских монастырей, существующих и упраздненных.

Историко-археологическое описание храмов и всех других памятников древнего и нового времени в каждом монастыре.

Монастырские кладбища.

Городские монастырские земли и подворья.

Приходские и монастырские праздники, крестные ходы, особые местные церковные обряды.

История Московских блаженных, юродивых, затворников и других лиц древнего благочестия, пользовавшихся общею известностью.

История Московского нищенства.

История и статистика Московской благотворительности и попечительства о призрении бедных и нищих.

Попечительство о тюрьмах.

Благотворительные учреждения: богадельни, приюты, школы и пр.

История благотворительных обществ, каждого в отдельности.

История больниц каждой в отдельности.

История врачебного искусства в Москве. Известные и знаменитые Московские врачи. Лечебные заведения.

История Московских аптек.

История и статистика Московского торгового.

Местоположение главного торгового.

Гостиные дворы.

Торговые ряды.

Торговые места по улицам и площадям города.

Мелочный торговый становой и ходячий, разносный.

История и статистика каждого товара в отдельности. Способы торговли. Торговые нравы и обычаи.

Сведения об известных и знатных торговцах с древнего времени.

История капиталов. История Биржи. Связи Московской торговли с иноземными и Русскими городами.

История цен на товары и всякого рода припасы и материалы с древнего и до позднейшего времени.

История и статистика городских промыслов: извоз, постоянные дворы, съестные лавки, харчевни, трактиры, рестораны, хлебопекарни и пр.

Питейная продажа: квасы, меды, вина, пиво, погребки фруктовые, овощные и питейные, питейные дома.

Сведения о заведениях этого рода, пользовавшихся славою и известностью.

История и статистика Московского садоводства и огородничества¹.

Охотный ряд, как средоточие всякого рода охотничьих промыслов.

Ловля и продажа певчих птиц, соловьиная охота, голубиная охота.

Петушьи и гусиные бои.

История и статистика в отдельности всякого ремесла и мастерства, изделия, производства.

Дело: золотое, серебряное, сусальное, медное, котельное, колокольное, пушенное, кузнечное, бронное, железно-резное, слесарное, оружейное, плотничье, столярное, деревянно-резное, токарное, каменное, каменно-резное, кирпичное, изразцовое и проч.

Портное, сапожное, башмачное, шорное и проч.

Монастырские рукоделия.

Фабрики и заводы.

Сведения об известных и славных по времени мастерах, ремесленниках, фабрикантах, заводчиках.

История художеств в их Московском развитии и характере.

Зодчество деревянное и каменное, церковное и гражданское.

Иконопись и живопись.

Гравирование.

Художественные школы и училища, древние и новые. Сведения о художниках и мастерах известных и малоизвестных.

Краткие обстоятельные жизнеописания известных и славных Московских художников. Указание и описание их произведений.

История Московских картинных галерей и других собраний произведений искусства, общественных и частных, бывших и существующих. Каталоги этих собраний, полные или в общем обзоре. Известные и малоизвестные собиратели.

Антикварные лавки и магазины древних и новых произведений художества.

История и статистика грамотности и образованности в Москве.

Первые училища.

Славяно-Греко-Латинская Академия.

Духовные училища.

Первая Европейская школа на Сухаревой башне.

Светские казенные и частные училища последующего времени: городские училища, пансионы, гимназии, музыкальные училища и др.

Университет.

Ученые и Литературные Общества.

Опыты публичного преподавания.

Известные и славные проповедники, соборные и приходские.

¹ Опыт обработки этого предмета см. в наших «Опытах Русских древностей и истории». М., 1873, часть 2, с. 266–350.

История и статистика книжной торговли. Известные места этой торговли. Книжные лавки и магазины. Известные и малоизвестные книгопродавцы, их деятельность на пользу книжного дела.

Известные и малоизвестные издатели полезных книг и их заслуги на пользу просвещения.

История и статистика типографий и литографий, объем их производства и количества изданных книг, эстампов, картин и пр.

Литература в Московском облике. Журналы и газеты от первого времени.

История литературных Московских приходов или кружков.

Московское масонство и его литература. Масонские песни.

Простонародная Московская литература и ее лубочные издания.

Промышленно-книгопродавческая литература.

История и статистика Московских библиотек, печатных и рукописных, общественных и частных, бывших и существующих. Известные и малоизвестные собиратели книг и рукописей.

Московская история старообрядства. Старообрядческая литература. Старообрядческие монастыри, кладбища, богадельни. История разнородного сектаторства в Москве.

Хроника общественной жизни в Москве².

История и места народных гуляний и разных увеселений, городских и загородных, от древнего и до последнего времени.

Народные игры и зрелища.

Народные театральные представления.

Балаганы. Репертуар народных представлений.

История и статистика Московского Театра. Казенные и частные сцены. Репертуар.

Славные артисты и артистки.

Цены местам.

Хроника приезжих артистов всех профессий: музыкантов, актеров, чудодеев, фокусников и т. п.

Общественные и частные увеселительные собрания и заведения. Балы, маскарады, концерты и пр.

История Московского Благородного Собрания.

История и статистика клубов, каждого в отдельности.

Казенные и частные общественные сады, бульвары, увеселительные места.

История полицейских порядков для охранения городской обывательской безопасности, здоровья и благочиния с древнего времени.

Наказы и другие полицейские постановления и узаконения по этому поводу.

Уличные и воротные решетки, сторожевые избы, будки, ночные и дневные сторожа.

Уличная служба обывателей. Последующее и современное состояние полицейских порядков. Их уставы и их бытовая практика.

Хроника воровства, мошенничества, грабежей, разбоев и всяких уголовных дел.

Особенно памятные воры и разбойники. Места их притонов в Москве и по Московским дорогам.

² Опыт обработки этого рода сведений см. в нашем сочинении «Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII ст.» в «Опытах изучения Русских древностей и истории», ч. 2, с. 351–506.

Хроника бедствий города. Пожары, бури, наводнения, моровые язвы, голод, нашествия иноплеменных.

Хроника воздушных и вообще метеорологических явлений.

В половине того же 1881 г. согласно указанию Комиссии начались работы по изысканию и расследованию архивного материала, которые потом в 1884 г. дозволили издать первую часть «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы» в объеме 93 печатных листов.

Вторая часть в объеме 103 печатных листов появилась в 1891 г., значительно запоздавши, так как подбор материалов для определенной цели, именно по истории церквей, очень медленно поддавался настойчивым работам.

После издания этой второй части материалов редактор пришел к убеждению, что дальнейшее их издание с большей экономией и пользой должно составляться в обработанном виде, т. е. в извлечениях только одних фактических сведений, устраняя канцелярские формальности, которые беспрестанными повторениями одного и того же и разных титулов напрасно обременяют содержание старинных бумаг. При этом и фактические сведения должны группироваться или подбираться в отделы, указанные программой.

Само собой разумеется, что такое собирание материалов по крупицам, особо в каждый отдел или на каждую тему, требует, кроме усердной работы, и много-премного времени. Вот причина той медлительности в этой работе, какая доньше продолжается относительно издания собираемых материалов.

В ожидании достаточного накопления этих материалов, редактор приступил и к изложению самой истории «Города Москвы».

Эта задача по своему содержанию столь обширна, разнообразна и сложна и настолько мелочна в своей обработке, что выполнить ее в желанном порядке возможно только в течение долгого времени, главным образом по той причине, что не существует полных подробных источников, и истории приходится собирать по крупицам, рассеянным во множестве книг и рукописей, не говоря об архивном материале, где и самые крупницы добываются с утратой пре-многого времени.

По тем самым причинам и подлежащая книга потребовала немалого времени для ее обработки и выходит гораздо позднее, чем предполагал автор.

Должно заметить, что при изложении рассказа автор имел в виду основные указания составленной им программы и потому вдавался по местам во многие мелочные статистические, бытовые и другие подробности, определявшие характер излагаемых фактов или событий. Такие подробности хотя и обременяли течение речи, но зато всегда более или менее ярко окрашивают быт населения.

Историю города сооружали люди, поэтому о них больше, чем о столбах и разных постройках, должен говорить и историк. Вот основания, почему автор отделил не малое место и для биографии домовладельцев. Местами автор не мог также избежать некоторых повторений, оставляемых для необходимой обстоятельности описаний.

К этому второму изданию нашей книги мы присовокупляем собрание рисунков, помещаемых отчасти в самом тексте и затем в особом Альбоме Старинных Видов Кремля.

По этому поводу приносим глубокую благодарность А. В. Орешникову за его любезное и заботливое сотрудничество при содействии А. И. Станкевича по изысканию упомянутых видов и в особенности за составленный им список этих видов с указаниями источников, откуда они заимствованы. Здесь мы и помещаем этот список в качестве указателя собранных рисунков.

I

Первобытное время

«Приди ко мне, брате, в Москову!..»

«Буди, брате, ко мне на Москову!»

Таково *первое* и самое достопамятное летописное слово о Москве. С тем словом первый же устроитель древнесуздальской земли, Суздальский князь Юрий Владимирович Долгорукий, приказал звать к себе на честный пир дорогого своего гостя и союзника, Северского князя Святослава Ольговича, того самого Святослава, сын которого Игорь прославился в последующее время несчастным походом на половцев (в 1185 г.) и воспет в знаменитой песне о полку Игореве.

Достопамятный зов на честный пир в Москву, случайно записанный летописцами в повествовании о событиях 1147 года, служит в своих выражениях как бы провозвестником последующей истории, которая после бесконечных усобиц и всяческой земской розни только в Москве нашла себе доброе пристанище для устойчивого, сосредоточенного и могущественного развития Русской народности.

«Приди ко мне в Москову! Буди ко мне на Москову!»

В этих немногих словах как бы пророчески обозначилась вся история Москвы, истинный смысл и существенный характер ее исторической заслуги. Москва тем и стала сильною и опередила других, что постоянно и неуклонно звала к себе разрозненные русские земли на честный пир народного единства и крепкого государственного союза.

В то время оба князя, и Юрий, и Святослав вели горячую усобицу со своими же родными князьями, Киевскими Мстиславичами и Черниговскими Давидовичами, за раздел волостей, за Киевский великокняжеский стол, особенно за Святослава брата Игоря Ольговича, которому по порядку наследования доставалось Киевское старшинство, а этому особенно и противились и Мстиславиичи, и Давидовиичи. Оба князя помогали друг другу и оба не всегда были счастливы в кровавой борьбе.

На этот раз особенно не посчастливилось Святославу Ольговичу. Он прибежал в Лесную Суздальскую землю бесприютным изгнанником, ограбленным и разоренным до нитки. Князья родичи, злейшие его враги, из конца в конец опустошили его Новгородсеверскую волость.

В Путивле они разграбили собственную его усадьбу, где запасов всякого товара было столько, что не можно было двигнуть, т. е. забрать все разом на вozy. Одного меду в погребах грабители достали 500 берковцев, да 80 корчаг вина, да захватили в плен 700 человек княжеской дворни и многое множество товару и всякого имущества. И церковь княжескую, как выразился летописец, облупили дочиста, пограбили, как простую кладовую. В стадах Святослава и брата его Игоря, враги забрали кобыл стадных 3000 и 1000 коней. Напали и на Игореву усадебное сельцо, где этот несчастный князь, вскоре потом убитый в бою возмущившимися киевлянами, на славу устраивал свое хозяйство. Было там готовизны (всяких запасов) много, в бретьяницах и в погребах вина и медов, и всякого тяжелого товару, и железа и меди, говорит летописец. И здесь грабители не знали, как управиться с награбленным добром, не могли всего вывезти и велели потом зажечь княжий двор, и церковь и княжие гумно, на котором оставалось 900 стогов жита. Так богато бывало хозяйство древних князей и так обыкновенно они воевали друг с другом, распространяя без конца свои усобицы и поднимая ненависть и месть на целые поколения.

Ограбленный и разоренный до конца, Святослав не знал, куда и как скрыться от нападавших врагов, и едва успел захватить с собой жену и детей. С остатком дружины он прибе-

жал к Суздальской Оке на устье Поротвы, куда Юрий выслал ему почетную встречу и богатые дары для всех прибывших с ним, и для семьи его, и для дружины – *наволокою* и *скорою*, т. е. различными дорогими тканями и дорогими мехами. Так как Смоленские князья и Новгород держали сторону их общих врагов, то Юрий, чтобы не оставаться без дела, тут же решил, по последнему зимнему пути, Святославу воевать Смоленскую волость вверх по Поротве, а сам ушел воевать Новгородские волости, где взял Новый Торг и повоевал всю Мету, самую богатую из Новгородских волостей. Святослав в то же время дошел до верха Поротвы, где взял город *Людогощь*³, захватывая по пути множество пленных.

Достаточно было одного месяца, и союзники натворили не мало бед мирному населению упомянутых волостей в месть за то самое, что их враги точно также без всякой пощады опустошили волости Святослава княжества. Такова была обычная внутренняя политика разрозненной древней Руси: князья ссорились и дрались, а неповинный народ должен был отвечать за их ссоры и драки своим разорением.

Возвращаясь с богатою добычею из Нового Торга домой, в Суздаль, Юрий шел через Волок Ламской, откуда, вероятно, и посылал звать доброго союзника в Москву, на первый Суздальский стан, в свою княжескую усадьбу.

Святослав приехал в малой дружине и с дитятем своим, малюткою Олегом, который послан был вперед и когда явился к Юрию, то на радостях приезда получил в дар *пардус*, вероятно, пестрый красивый мех барса, употреблявшийся в походах в виде полости или ковра⁴.

Это было 4 апреля 1147 г., в пятницу на пятой неделе Великого поста, накануне праздника Похвалы Богородицы. Князья радостно встретились, любезно целовались и были веселы «и тако возвеселишася вкупе». Наутро Юрий повелел устроить *обед силен* и сотворил честь великую дорогим гостям, одарил их всех, и князей, и дружину, многими дарами. Тут же по всему вероятно дитя Олег был сосватан отцами на дочери Юрия, такой же малютке, и был обвенчан с нею спустя три года, в 1150 году.

Сильный обед, пир великий, должен свидетельствовать, что Москва уже в это время представляла такое поселение, которое в избытке могло доставить все хозяйственные удобства для княжеского пированья. Как видно, это было княжеское хозяйственное *село*, составлявшее личную собственность князя, его *вотчину*, а потому можем с большою вероятностью предполагать, что княжеское хозяйство этой первичной Москвы было столько же обширно и богато, как оно бывало богато и полно и у других владеющих князей в таких же их собственных селлах. Мы упомянули о хозяйственных городских и сельских запасах Святослава Ольговича и его брата Игоря, именно об Игорево разграбленном *сельце*. Нельзя сомневаться, что таким же княжеским вотчинным *сельцом* была Юрьева Москва, в которую он звал Святослава словами: «Приди ко мне в Москову» ясно тем обозначая, что Москва была его собственным хозяйственным селом, исполненным всеми надобными запасами.

³ Так, мы полагаем, следует читать это сомнительное слово летописи, где выражение «Взя люди голядь» суть явная описка, ибо слово *взя* может относиться к городу или к волости, но едва ли к людям. Первый издатель Ипатского списка Летописи, в котором это слово написано слитно: *Людиголядь*, отметил при этом: «Не имя ли города, находившегося в верховье Поротвы?» П. С. Р. Л. т. II, с. 29. В Никоновском и в других списках Летописи вместо слова *Людды* стоит: *град Голяди*. У Татищева, II, 299, град *Голяд*. В последующее время на вершине Поротвы существовал Вышгород, который в древнее время мог именоваться *Людогощем* или *Лудо-гощью*. В древнем Новгороде одна улица прозывалась *Людгоща* и сокращенно *Люгоща* и *Легоща*. Древние названия поселков с обозначением *гощениа*, то есть гостыбьторга, встречаются нередко. Таковы, например: Домо-гощ, Видогощ, Вельгощ, Диво-гощ, Иро-гощ, Утро-гощ, Угоща, Чадо-гоща и др. Если чтение *Людогощь* окажется правильным, то все толки об особом племени Голядов на вершине Поротвы будут излишни, тем более что древняя Прусская область Голиндов слишком далека от наших мест. Она существовала поблизости Балтийского моря. В нее, быть может, ходил в.к. Изяслав в 1058 г., когда он победил Голяди, Голядь, Голяды. Лавр. 70.

⁴ Карамзин пишет, что Олег подарил Юрию редкого красотою *парда*. Так можно понять из слов Ипатской Летописи, рассказывающей эти обстоятельства не совсем определенно. Воскресенский список той же Летописи определенно выражается, что – «да ему (Олегу) Юрьи пардус».

В действительности Московская местность представляла в первое время много сельских удобств для основания широкого сельского хозяйства. Так называемый Великий Луг Замоскворечья, лежавший против Кремлевской горы, доставлял обширное пастбище для скота и особенно для княжеских конских табунов. Окружные луга, поля и всполья с пересекавшими их речками и ручьями служили славными угодьями для хлебопашества, огородничества и садоводства, не говоря о тучных сенокосах. Нет сомнения, что прилегавшее к Кремлевской горе *Кучково поле* было покрыто пашнями.

Итак, княжеская История Москвы начинается от первого упоминания о ней летописи в 1147 году. Но Московский и именно Кремлевский поселок существовал гораздо прежде появления в этих местах княжеского Рюрикова племени.

Глубокая древность здешнего поселения утверждается больше всего случайно открытыми в 1847 году, при постройке здания Оружейной Палаты и неподалеку от первой по древности в Москве церкви Рождества Иоанна Предтечи, теперь не существующей, несколькими памятниками языческого времени. Это две большие серебряные шейные гривны или обручи, свитые в веревку, и две серебряные серьги-рясы, какие обыкновенно находят в древних курганах.

Другой поселок, столь же древний, находился за Неглинною на месте нового храма Спасителя, где был прежде Алексеевский монастырь, тоже на береговой горе и при устье потока Черторыя. На этой местности при рытье земли для фундаментов нового храма в числе других предметов найдены два серебряных арабских диргема, один 862 г., битый в городе Мерве, другой 866 г.⁵

Эти находки должны относиться, по всей вероятности, к концу 9-го или к началу 10-го столетия. Кроме того, шейные гривны и серьги по достоинству металла и по своей величине и массивности выходят из ряда всех таких же предметов, какие доселе были открыты в курганах Московской области, что может указывать на особое богатство и знатность древних обитателей Кремлевской береговой горы.

При этом должно заметить, что форма упомянутых серег-ряс о семи лепестках составляет отличительный признак древнего женского убора, находимого только в Московской стороне чуть не в каждом кургане и очень редко в других более отдаленных от Москвы местностях, так что по этим серьгам мало-помалу можно выследить границы собственно примосковского древнего населения, имевшего, как видно, особый тип в уборе, указывающий на особенность культуры этого племени.

Таким образом, благодаря этим памятникам курганной эпохи, мы получаем достовернейшее свидетельство не только о тысячелетней древности Кремлевского поселка, но и о бытовых особенностях окружавшего его населения.

Однако таких древнейших поселков, подобных Кремлевскому, в виде городищ, рассеяно по Русской земле и даже Московской стороне великое множество. Все они исчезли и составляют теперь только предмет для археологических изысканий.

Почему же Кремлевский зародыш Москвы не только не исчез, но, несмотря на жестокие исторические напасти, разорения, опустошения огнем и мечом, остался на своем корню и развился не то что в большой город, а в могущественное государство?

Такие всемирно-исторические города, как Москва, зарождаются на своем месте не по прихоти какого-либо доброго и мудрого князя Юрия Владимировича, не по прихоти счастливого капризного случая, но силою причин и обстоятельств более высшего или более глубокого порядка, для очевидности всегда сокрытого в темной, мало еще разгаданной дали исторических народных связей и отношений, которые вынуждают и самих князей-строителей ставить именно здесь, на известном месте тот или другой город. Главным двигателем в создания таких

⁵ Савельев: Мухамеданская нумизматика. СПб., 1847 г. С. 162. – Ж. М. Н. П. 1847, март. С. 267.

городов является всегда народный промысл и торг, ищущий для своих целей добрых сподручных путей или доброго пристанища и который, повинаясь естественным географическим путям и топографическим удобствам международного сообщения, всегда сам указывает, сам намечает, сам избирает место, где и устраивает узел своих работ и действий, именуемый городом.

Такой узел-город всегда существует до тех пор, пока существуют создавшие его потребности промысла и торга. Как скоро они исчезают или переменяют направление своих путей, так упадает, а иногда и совсем исчезает и созданный город⁶.

Но если эти потребности остаются по-прежнему деятельными и живыми, то их узел-город, несмотря на жестокие исторические случайности, остается тоже всегда живым и деятельным. Разрушат, сожгут, истребят его, сотрут с лица земли – он мало-помалу зарождается снова и опять живет и еще в большей красоте и славе. Истребят его на одном месте, он перенесет свою жизнь на другое, но все в тех же окрестностях, где двигается создавший его промысл и торг.

Город, таким образом, и своим зарождением, и своим богатством, и процветанием всегда является только выразителем проходящих в этой местности торговых и промысловых народных сношений и связей, и само собой разумеется, что бойкий перекресток таких связей и сношений особенно способствует возникновению даже не одного, но многих городов.

Во всем мире все знаменитые и господствующие и до сих пор города нарождались и развивались силою указанных причин и обстоятельств. Наша русская страна, лежащая широкою равниною между северными и южными морями, с незапамятных для истории времен служила перекрестком в сношениях запада с востоком и севера с югом. Лет за 500 еще до Р. Х. античные греки чрез эту равнину с берегов Черного моря сносились с приуральскими народами и где-то около Саратова имели значительный деревянный город, Гелон, со смешанным населением, в котором, однако, преобладали те же эллины – греки. Впоследствии те же греки, около времени Рождества Христова, из Азовского моря плавали до верховьев Дона, и в их преданиях сохранялось сведение, что аргонавты, возвращаясь с Кавказа домой в Грецию, проплыли по Дону до его вершины и там перенесли свои лодки в другую реку и по ней поплыли в океан (в Балтийское море), а оттуда вокруг европейского материка в Средиземное море. Вот еще в какое время проложен был круговой около Европы путь «из Варяг в Греки», из Балтийского в Черное море. Торговые связи древнего мира способствовали устройству многих значительных городов по нашему побережью Черного моря, особенно при устьях Днепра, Днестра и Дона. Мед, воск, мягкая рухлядь, пушной товар, т. е. дорогие меха, рыба, невольники, хлеб исконно привлекали сюда греческую предприимчивость. Прошло два тысячелетия, древние города и целые государства исчезли, а между тем потребности торга и промысла в этих местах остаются в своей силе, и вот причина, почему если не прямо на развалинах, то поблизости, здесь же, создавались новые города. Вместо древнейшего греческого Танаида в устьях Дона теперь здравствует Ростов-на-Дону, всего в 12 верстах от прежнего; вместо древнейшей Пантикапейи на ее же развалинах существует Керчь; вместо древнейшей Ольвии в устьях Буга и Днепра и существовавшего после нее византийского Херсонеса-Корсуна (у Севастополя) теперь

⁶ Так постепенный упадок нашего древнего Киева происходил не от разорений во времена княжеских усобиц или Татарских нашествий, но, главным образом, оттого, что торговые пути к началу XIII столетия направлением Итальянской (Генуэзской) торговли стали переходить с устья Днепра к устью Дона, из древнего Корсуна в новую Тану, в местности древнего Танаида, вследствие чего и княжеские, и татарские разорения были столько губительны для упадавшего города, у которого уже не оставалось сил возродиться в прежней славе. Но это же самое перенесение торговых путей к устью Дона в значительной степени способствовало возвышению и обогащению Москвы, как средоточия торговых путей внутри Русской страны от Запада на Восток, почему и самые беспощадные разорения и опустошения Москвы не в силах были истребить возникавшее гнездо великого Государства: оно тотчас же устраивалось и укреплялось в новой силе и славе, помощью неразрывных торговых и промысловых связей и сношений.

является их наследницею Одесса, да, вероятно, такими же наследниками явятся и Николаев, и Севастополь, и Феодосия (Кафа).

Когда с течением веков зародилась политическая и промысловая жизнь и в варварской Европе и именно по Балтийскому морю, то промысловое и торговое движение тотчас же перешло и в нашу Русскую равнину, где пролежала дорога с запада Европы к далекому востоку, даже к Индии богатой. Этому движению особенно способствовали промышленные Арабы, завоевавшие в VII веке почти все богатые закаспийские страны. Оттуда они направили свои торги от устья Волги и до самой Камы и далее по Волге же к самому Балтийскому морю. Арабские монеты (VII–XI века), находимые во множестве по этому пути, особенно в Русской равнине, удостоверяют о живых и деятельных некогда сношениях друг с другом всех здешних народностей. Этот торговый путь, пересекавший в разных направлениях нашу страну по Волге, Западной Двине и особенно по Неману, протягивался и далее по берегам Балтийского моря, по южным и северным, вплоть до Великобритании и далее до Испании, в царство Мавров.

Естественно, что на торной и бойкой дороге этого торга и промысла сами собою в разных, наиболее удобных местах зарождались города, так сказать, станции и промышленные узлы, связывавшие в одно целое окрестные интересы и потребности.

На востоке, на Камской Волге, всю торговлю в IX и X веках владели Болгары, у которых главный узел-город находился поблизости устья Камы. В этом городе закаспийские Арабы были свои люди, а еще больше своими людьми здесь почитались наши древние Славянские племена, так что и население древней Болгарии, по словам Арабов, наполовину было Славянское. У Арабов в 10-м столетии Волга так и прозывалась рекою Славян, Славянскою рекою. Это показывает, что плователями по этой реке были если не исключительно, то главным образом только Славяне, как в то же время они были полными хозяевами плавания по Днепру и Дону и, несомненно, также по Неману и по Двине Западной. Достоверно известно, что в 10-м веке днепровские суда строились у Кривичей в Смоленске и во всех верхних *лесных* местах, так и волжские суда необходимо строились в таких же лесных местах верхней Волги, где тоже сидели Кривичи.

Эти Смоленские Кривичи, таким образом, являются сильными промышленниками того времени, что вполне подтверждается и многочисленными находками различных вещей в их курганах, например, поблизости самого Смоленска, где при селе Гнездове (12 верст от города) найдены не только предметы так называемого Скандинавского стиля, но и цареградская, если не сассанидская, поливная чашка, которую можно видеть в одной из витрин 4 залы Исторического Музея, в своем роде единственный памятник, при чем были найдены и арабские диргеми X века.

Болгарская ярмарка, а теперь Нижегородская, находившаяся, как мы упомянули, в тамошнем главном городе, называемом Болгар, привлекала к себе не одних Кривичей, но и все население Балтийского побережья – и Славянское, и Литовское, и Скандинавское. Дороги оттуда пролежали по Неману и Вилие, с переволоком в Березину, и по Западной Двине и сосредоточивались у Кривичей в Смоленске. Отсюда по Днепру шел торговый путь к Корсуню и Царьграду, возродивший на своем месте город Киев; отсюда же торговый путь направлялся и к Болгарской ярмарке к устью Камы⁷.

Из Смоленска к этим Болгарам можно было идти и по Оке, спустившись рекою Угрою, и по Волге, спустившись рекою Вазузою. Но это были пути не прямые, очень обходистые, и притом, особенно по Оке, очень длинные, потому что нижнее течение Оки было заселено мордовскими племенами, Мещерою и Муромою.

От Смоленска прямо на восток к Болгарам существовала более прямая и в то время, быть может, более безопасная дорога, именно по Москве-реке, а потом через Переволок по

⁷ Подробнее о тех путях см. нашу Историю Русской Жизни, II, 34, 53.

Клязьме, протекающей прямо на восток по самой середине Суздальской страны. По этому пути в Суздаль и Ростов из Киева хаживали князья в XII ст., напр., Андрей Боголюбский, когда переселялся совсем на житье во Владимир, а из Чернигова и не было другой дороги в эти города, как через Москву.

Надо перенестись мыслью за тысячу лет до нашего времени, чтобы понять способы тогдашнего сообщения. Вся Суздальская или по теперешнему имени Московская сторона так прямо и прозывалась *Лесною землею*, глухим *Лесом*, в котором одни реки и даже речки только и доставляли возможность пробраться, куда было надобно, не столько в полные весенние воды или летом, но особенно зимою, когда воды ставились и представляли для обитателей лучшую дорогу по льду, чем даже наши шоссейные дороги, когда, несомненно, по тем же причинам, еще по свидетельству Константина Багрянородного, и начиналось из Киева особое торговое движение во всей нашей равнине⁸.

По сухому пути и летом прокладывались дороги, теребились пути, как выражаются летописи, т. е. прорубались леса, по болотам устраивались гати, мостились мосты, но в непроходимых лесах и в летнее время полки рати заблуждались и, идя друг против друга, расходились в разных направлениях и не могли встретиться. Так именно случилось однажды в начале июня между Москвою и Владимиром во время княжеской усьобицы в 1176 г. Князь Михаил Юрьевич с Москвы шел с полком к Владимиру, а Ярополк, его противник, таким же путем ехал на Москву и «Божиим промыслом минуется в лесех», отмечает летописец, сердечно радуясь этому обстоятельству что не случилось кровопролития.

Зато зимою в темном лесу без всяких изготовленных дорог легко и свободно можно было пробираться по ледяному речному руслу, по которому путь проходил, хотя и большими извилами и перевертами, но всегда неотменно приводил к надобной цели. Очень многие и большие войны, особенно с Новгородом, происходили этим зимним путем и вдобавок, если путь лежал вверх рек, почти всегда по последнему зимнему пути, с тем намерением, что с весеннею талою водою можно было на лодках легко спуститься к домам.

Как мы сказали, древнейший и прямой путь от Смоленска или собственно от вершин Днепра к Болгарской ярмарке пролегал сначала долиною Москвы-реки, а потом долиною Клязьмы, которых потоки направлялись почти в прямой линии на восток. Из Смоленска ходили вверх по Днепру до теперешнего селения *Волочек*, откуда уже шло сухопутье – волоком верст на 60 до верхов Москвы-реки. Так путешествовал Андрей Боголюбский (Сказ о чудесах Владимирской иконы Богоматери). Но более древнейший путь мог проходить из Смоленского Днепра рекою Устрою, переволоком у города Ельни в Угру, потом из Угры вверх рекою Борею, вершина которой очень близко подходит к вершине Москвы-реки, даже соединяется с нею озером и небольшою речкою. Затем дорога шла вниз по Москве-реке, начинающейся вблизи города Гжатска и текущей извилинами, как упомянуто, прямо на восток. Приближаясь к теперешней Москве-городу, река делает очень крутую извилину на север, как бы устремляясь подняться поближе к самому верховью Клязьмы, именно у впадения в Москву-реку реки *Восходни*, где теперь находятся село Спас и знаменитое Тушино, столица Тушинского вора. Из самой Москвы-города река направляется уже к юго-востоку, все более и более удаляясь от потока Клязьмы. Таким образом, Московская местность, как ближайшая к потоку Клязьмы, являлась неизбежным переволоком к Клязьминской дороге. Этот переволок, с западной стороны от города, в действительности существовал вверх по реке Восходне, несомненно так прозванной по путевому восхождению по ней в долину Клязьмы и притом, как упомянуто, почти к самой вершине этой реки⁹.

⁸ См. нашу Историю Русской Жизни, II, гл. VII.

⁹ Н. П. Барсов в своих Очерках Русской Исторической Географии отметил уже вероятность такого сообщения, упомянув,

По всем приметам, в глубокой древности, по крайней мере, в IX и X веках, здесь уже завязан был узел торговых и промысловых сношений.

Из подмосковных окрестностей устье и течение Вхотни – самая замечательная местность и по историческим (Тушинским) воспоминаниям и главное по красоте местоположения. Вот где в незапамятные времена Москва, как торговый и промысловый узел, намеревалась устроить себе первоначальное свое гнездо. Вот где сносение Балтийского запада и Днепровского юга с Болгарским приволжским востоком и с Ростовским приволжским же севером, на перевале в Клязьму, встречали необходимую остановку, дабы идти дальше, устраивали стан и отдых, а следовательно надобное поселение и сосредоточение промысловых сил и интересов. Свидетелями такого положения здешней местности остаются до сих пор земляные памятники, раскиданные по окрестности вокруг группы курганов и места древних городищ.

Устье Вхотни, как упомянуто, впадает в Москву-реку под знаменитым селом Тушиным, где еще существуют валы и разные земляные укрепления Тушинских воров. Но должно полагать, что в древнее время Вхотнюю прозывалась не самая река, а особая местность, лежащая выше по Москве-реке, перед которою на крутом берегу Москвы-реки и над глубоким оврагом стояла каменная шатровая церковь Андрея Стратилата¹⁰ и где в XVI веке существовали церковь и монастырь Спас Преображения *на Вхотне*, прозываемый также одним именем *Вхотня*. Этот монастырь на Вхотне или монастырь *Вхотня* находился более чем на версту от самой реки, теперешней неправильно называемой Сходни.

В писцовых книгах начала XVII ст. он обозначается монастырь *Вхотня на р. Москве*, что и дает повод предполагать, что такое имя монастыря обозначало особую местность, но не реку, которая в древности, по всей вероятности, прозывалась *Горедвою*, так как вверху теперешней Вхотни в нее впадает река этого имени более значительным потоком, чем верховье самой Вхотни¹¹.

Вхотнюю, по-видимому, именовалась местность, составляющая обширный поемный луг Москвы-реки, версты на полторы в квадрате, вверх по течению, с отлогим, постепенно возвышающимся берегом, который под деревнею Пенягиною разделен долом и ближе к стоявшей церкви, под ее горою, прорезан глубоким оврагом и речкою Боряшихою. По этому долу, который впадает в целую систему далее идущих долов, возможно было *восходить* к руслу Вхотни, минуя ее устье, отстоящее от Пенягинского дола более чем на три версты, и сокращая путь по извилистому руслу реки еще верст на семь. Здесь-то собственно по всему вероятно и находилась *Вхотня*, то есть место, с которого начинался *Вход*, *Восход* по реке Вхотне, дабы прямее достигнуть потока Клязьмы. Эти вхотные долы, сокращая значительно речной путь, приводили в местность теперешнего села Братцева, откуда уже дорога шла по руслу реки вверх до перевала у села Черкизова на Петербургском шоссе, где вблизи теперь существует полустанок железной дороги Сходня. Около этой Вхотни, на высотах берега Москвы-реки и упомянутого ручья Боряшихи, расположено несколько групп древних курганов, которых в одном месте, на той же высоте, где стоял монастырь Вхотня, в полуверсте против него, насчитывается до 40, что вообще указывает на значительное поселение, когда-то здесь существовавшее, быть может

что «в область Клязьмы от Москвы-реки шли пути вероятно по р. Сходне и по Яузе» (с. 30). Вероятность таких сообщений во всех местах, где сближаются реки и речки, особенно в их верховьях, сама собою раскрывается, как скоро будем следить это по гидрографической карте, и надо заметить, что такая предположительная вероятность почти везде оправдывается самым делом, т. е. указаниями памятников на существовавшее сообщение или письменных, а еще более наземных, каковы, например, городища и курганы – явные свидетели древней населенности места.

¹⁰ Летом 1890 г. эта церковь совсем разобрана, и материал ее поступил на постройку храма в селе Рождествене на той же Вхотне, верстах в 4-х от села Спасского.

¹¹ Весь округ по течению этой Горедвы, иначе Горетовки, прозывался по имени реки *Горетовым Станом*, простиравшимся к западу до реки Истры, впадающей в Москву-реку несколько повыше села Ильинского, вотчины Его Высочества Великого Князя Сергея Александровича. Это имя – Горетов Стан вместе с тем служит обозначением топографических свойств местности, представляющей по течению всей реки Вхотни и Горедвы очень гористое положение.

на самом том месте, где впоследствии основался монастырь Спаса. Восточный поемный луг Москвы-реки ограничивается еще выше по ее течению речкою Банею, которая на этом же лугу и впадает в Москву-реку. Здесь также по речке, по ручьям и долам могли существовать особые всходы к руслу Восточни, а потому и здесь встречается немало древних курганов, особенно при впадении в Банию широкого Русинского оврага у старой Волоколамской дороги.

Как бы ни было, но вся эта местность между селами Черневым на реке Бане и Спасским на Восточне, на пространстве пяти верст, в разных углах над речками и долами усеяна группами курганов, свидетельствующих вообще об особенной населенности этого подмосковного угла.

Его Высочество Великий Князь Сергей Александрович в 1890 году изволил производить расследование нескольких курганов вблизи села Чернева, в которых были открыты, кроме обычных, очень примечательные вещи, каковы: серебряный шейный обруч-гривна из пластины, скрепленной обоймицами, указавшими назначение некоторых особых блях, найденных при таких же гривнах в местности села Зенина, лежащего в таком же расстоянии с восточной стороны от Москвы. Затем найден был железный серп, дорогой свидетель земледельческой культуры, объясняющий, что здешнее население не было столь диким, как это представлялось Шлецеру и всем ученым немцам, писавшим о первых временах нашей истории.

Один большой курган, названный в писцовых книгах начала XVII ст. *Великою Могилою* и стоявший на суходоле по направлению описанного восточного пути, идущего к селу Братцеву, был разрыт в 1879 году. В нем покоился остов, весь обернутый берестою, с горшком в головах, на дне которого вытиснена монограмма, указывающая на хорошую гончарную работу. Окружавшие эту *Великую могилу* малые курганы доставили при раскопке несколько вещей из женского убора, весьма обычных во всех подмосковных курганах: бронзовые о семи лепестках серьги, бусы сердоликовые и стеклянные, бронзовые браслеты из проволоки и т. п.

Нельзя сомневаться, что более подробное расследование курганов этой восточной местности укажет и на время, когда они были насыпаны; но и без того можно с достоверностью предполагать, что курганы должны относиться по крайней мере к X или к началу XI столетия.

Кроме курганов, здесь же находим внизу Восточни близ деревни Петровской древнее *Городище* на ручье Ржавце и речке Городенке, впадающей во Восточню. Затем вверх Восточни, по писцовым книгам, где-то указывается пустошь *Вышигород*, своим именем удостоверяющая, что существовал и Нижний город (упомянутое выше городище) и что оба города, быть может, служили охраною для всего этого пути или же местами защиты населения от вражеских нашествий.

Значительная населенность этих *Исходных* к Клязьме мест, какой ни выше, ни ниже по Москве-реке не встречается, может указывать, что торговые и промысловые сношения нашей древности уже намечали здесь место для знатного торгового узла, связывавшего торги Балтийского моря с торгами моря Каспийского и Сурожского (Азовского), и мы не можем отказаться от предположения, что *здесь закладывалось основание для древнейшей Москвы-города*. Сюда торговые дороги шли не только от Смоленска, но и от Новгорода, через древнейший его *Волок Ламский*, с Волги по рекам Шоше и Ламе на вершину реки Рузы, впадающей в Москву-реку. Ламский Волок был древнейшею дорогою Новгородцев в московские места и по большей части прозывался одним именем *Волок*. Для Новгородцев Серегерским путем, т. е. с самого своего верха, река Волга была обычною дорогою к далекому востоку. Но быть может малыми караванами небезопасно было по ней странствовать, поэтому и Новгородцы должны были являться на Москворецкую Восточню, чтобы Клязьмою удобнее и безопаснее добраться до Волги Камских Болгар, захватывая в торговые руки и самую долину Клязьмы. Во всяком случае, здешний путь был короче, чем по руслу Волги, не говоря о том, что Москвою-рекою Новгородцы должны были ходить и к Рязанской Оке, и на Дон.

Когда из вольных племенных земель образовались особые княжеские или же городские волости, то все промысловые и торговые узлы народных сношений обложены были особою данью под видом *мыта*, т. е. пошлиною за проезд и проход как бы через мост.

Можно полагать, что такая пошлина собиралась именно за доставляемые путникам удобства для этого проезда.

У Восточного места из Москвы-реки в Клязьму по-видимому также от давнего времени существовал *мыт*. Важное промысловое значение этой местности подтверждается свидетельством XV и XVI веков о существовании здесь *мыта Войницкого, что у Спаса на Восточне*, принадлежавшего городу Волоку Ламскому, тамошней волости Войничичи¹². Это любопытное свидетельство явно указывает на древнейшие связи Москворецкой Восточни с торговой Новгородской дорогой Ламского Волока. Сказание о роде Московских бояр Квашниных дает некоторые пояснения этому обстоятельству.

Оно рассказывает, что к в.к. Ивану Даниловичу Калите, по его вызову, приехал служить один из знатных Киевских вельмож, Родион Нестерович, с сыном Иваном и с целым полком дружины в числе 1700 человек. Вел. князь принял его с радостью, посадил его на первое место в своем боярстве Москвы и отдал ему в вотчину половину Волока Ламского; другая половина принадлежала Новгородцам. Через год боярин Родион оттягал и эту другую половину, выслав оттуда и Новгородского посадника. Тогда Великий князь отдал ему в область, во владение все села *вокруг реки Восточни на 15 верстах*¹³.

Это пространство в точности обозначает весь путь Восточни до волока или перевала в Клязьму под теперешним селом Черкизовом, на Петербургском шоссе. Становится очень понятным, почему Войницкой мыт у Спаса на Восточне тянул к Волоколамску. Сын Родюна, Иван Родионович, умер в 1390 г. в монашестве и погребен в монастыре у Спаса на Восточне.

Итак, в незапамятное для письменной истории время, верстах в 20 от теперешней Москвы, от западных путей в эту сторону, создавалось гнездо промысла и торгова, где впоследствии мог возникнуть и тот самый город, который мы именуем Москвою.

Выбор места вполне зависел от топографических удобств, при помощи которых именно здесь было возможнее, чем где-либо в другом месте, перебраться с одной дороги на другую по самому ближайшему пути.

И надо сказать, что если бы и на этом Восточничьем месте расселился со временем большой город, то Москва, быть может, представила бы еще больше местной красоты и различных удобств для городского населения.

Но история присудила быть Москве в той же окрестности, но на другом месте, как и по каким причинам, – это необходимо раскроется впоследствии при более внимательной разработке промышленных и торговых отношений разных областей древней Руси.

Мы упомянули, что поток Москвы-реки протекал от вершины, особенно от Можайска, почти по прямому направлению на восток, от самого города Москвы сразу поворачивает к юго-востоку и в том направлении течет до впадения в Оку.

Снизу, от области верхнего Дона и верхней Оки, т. е. от Рязанской и Северской области, этот исток Москвы-реки также служит прямою дорогою к древнему Великому Ростову и вообще в Суздальскую землю и опять необходимым перевалом в долину Клязьмы. По крайней мере этой дорогой ходили в Суздаль и Владимир не только из Чернигова, но и из Киева. Стало быть, этот путь, хотя отчасти и обходимый, все-таки был удобнее и выгоднее других. Оттого и Рязанцы, путешествуя во Владимир, всегда делали круговой обход на Москву, как и Владимирцы, идя на Рязань. А с Донской области и из древней Тмутаракани к Новгороду, как равно

¹² Собр. Госуд. Грамот, т. I, с. 63, 419.

¹³ Карамзин, IV, пр. 324; V, пр. 254.

и к Балтийскому морю именно через Москву был самый прямой путь, известный торговым людям от глубокой древности. Вообще промысловое движение и снизу Москвы-реки, от юга, было столько же значительно, как и от ее вершин, от запада и севера.

И здесь низовые люди у Москвы же, желая идти к Ростову или к Болгарской Волге, должны были переваливать на Клязьму, но по другому ближайшему для них месту, именно по реке Яузе. Конечно, им не зачем было ходить на 20 верст дальше до западной Восходни, если здесь встречался более близкий переволок, такая же Яузская Восходня.

Имя реки Яузы в древнем топографическом языке в известном смысле может означать то же, что означают имена Вязьма, Вязема, Вяземка, Вазуза, Вязь, Уза, т. е. вообще вязь или связь, союз одной местности с другою, или вернее одного пути с другим, хотя бы и по очень узкому потоку, какой на самом деле представляет поток Яузы.

Так река, а по ней и город Вязьма Смоленская, текущая от верхней Угры в верхний Днепр, связывала путь из Днепра в долину Оки посредством Угры. Вблизи этой Вязьмы к северу течет и Вазуза, связывающая вершину Днепра с Волгою. В свой черед, та же Вазуза связывала с Волгою и пути Московской стороны. В нее впадает река Гжат, в которую от севера течет река *Яуза*, соединяющая пути с вершинами Москвы-реки и реки Рузы. Другая *Яуза* в Клинском уезде, Московской губ., течет от востока в реку Ламу, а от ее истоков к западу течет третья *Яуза*, впадающая в 7 верстах от города Клина к северу в реку Сестру, Волжский приток, где был проектирован канал для соединения Волги с Москвою-рекою посредством соединения рек Сестры и Истры. Эти последние две Яузы имеют течение одна на запад, другая на восток на одной широте градуса.

Должно упомянуть, что в третью Яузу от юга течет р. Вязь, впадающая в нее неподалеку на запад от с. Ямуги и берущая свое начало у д. Негодяевой от истоков второй Яузы, что идет в Ламу¹⁴. Звенигородская Москва-река, принимая в себя с правой стороны реку *Вяземку*, соединялась этой рекою с областью подмосковной Пахры через речку Бутынку и Десну. *Вязовенка-река* между Можайском и Борис-городком, у которого она впадает в Протву, связывает путь от Можайской Москвы-реки с Окою, куда течет Протва. В Можайском уезде упоминается также речка *Яуза*, на которой в 1631 г. существовал погост Спаса. Упоминается река *Явза* и в Гдовском уезде Псковской области (1623 г.).

Таким образом, все эти и подобные имена, а в том числе и имя Яузы, обозначали связь древних путей. Надо заметить, что именно реки Яузы за 1000 лет тому находились в глухих, непроходимых болотах и лесах, остатки которых и доселе еще совсем не истреблены и покрывают Клинский уезд в значительной силе. Речной поток в непроходимом лесу сам собою должен был представлять своего рода узилище, узкий, тесный проход, от чего имя Явза могло обозначать также и узину пути, при чем первая буква составляла только приставку, дававшую известный, но нам пока неведомый смысл слову Уза. Простое имя Уза, Узкая, также нередко встречается в топографическом языке¹⁵.

Что же касается приставки Я, то ее присутствие встречается явственно во многих словах, каковы: язык, ярем, якорь, ягода, яблоко, ястреб и пр., а также и в топографических именах, например: я – горбы, я – жолобицы, я – гость, я – звоны, я – козина, я – сивцова, я – осма и т. п.

Как бы ни было, но имя Яузы очень древнее имя¹⁶ и родственное вообще нашему древнему топографическому языку, в котором и понятие о тесном речном пути точно также выразилось в словах Теснь, Тосна, Тесна и, наконец, Цна, река, известная и в Мещерской стороне, и на западе в коренной русской Славянщине, в Минской губернии. Вообще топографический

¹⁴ Топографическая карта Московской губернии 1860 г.

¹⁵ См. у Ходаковского, Русский Исторический Сборник, т. VII, с. 325.

¹⁶ В Тверской летописи под годом 1156 читаем: «Князь великий Юрий Володимерич заложи град Москову на устниже Неглинны, выше реки *Аузы*». Здесь *а* вместо *я* употреблено или по описке, или по однородности звуков.

язык богат указаниями на характеристику древних речных путей относительно удобства или затруднений в проезде по известным местностям.

По Яузе, по восточной дороге от Москвы, поднимались или опять также *восходили* вверх по течению этой реки глухим лесом (Сокольники, Лосиный Остров) до села Танинского и далее до самой вершины Яузы, затем следовал переволок у теперешнего села Больших Мытищ на село Большево и древнее Городище, находящееся уже на Клязьме. Или по другому направлению от вершины Яузы по болотам Лосинога Острова, которые и теперь дают превосходную воду всей Москве, а за 1000 лет назад могли заключать в себе целое значительное озеро, еще более способное для пути. Здесь у переволока в свое время явились также свои Мытищи, которые в XV столетии прямо и называются *Яузским Мытищем* в значении целого округа местности¹⁷. Множественное *Мытищи* может указывать на два упомянутых направления дороги к Клязьме. В Татарскую эпоху здесь явились и *Баскаки*, как именовалось одно здешнее уже несуществующее селение на той стороне Клязьмы. Присутствие Баскаков еще более удостоверяет о промысловой значительности этого места. Возникновение этого *Яузского пути* можно относить к глубокой древности. Должно предполагать, что когда еще не было города – первое здешнее поселение гнезилось около устья Яузы, где луговая местность (занятая ныне Воспитательным домом) еще в XV стол. именуется *Пристанищем*¹⁸, а по ту сторону Яузы на горах упоминается существовавшее где-то *Городище*¹⁹. На этой стороне реки береговая высота, господствующая над луговиною и доселе носит имя *Гостиной горы* (Никола Воробино), служившей, быть может, поселением для торговых приезжих гостей. Впоследствии, когда образовалось Суздальское княжество и его сношения и связи с Киевом и Черниговом стали усложняться, особенно при Суздальском в. князе Юрии Долгоруком, эта местность получила, кроме торгового, и политическое, то есть, в сущности, стратегическое значение, как первая открытая дверь в Суздальскую область, которую необходимо было укрепить для всякой опасности в между-княжеских отношениях.

Вот почему существовавшая здесь, вблизи упомянутого Пристанища, на Кремлевской горе, Княжеская усадьба под именем Москвы или Кучкова, вскоре устраивается городом, который был срублен в 1156 году, именно в то время, когда на Клязьме основалось Андреем Боголюбским новое княжество Владимирское.

Для нового княжества такой городок был необходим: он служил сторожевою защитой со стороны входа в Суздальскую область, и от Смоленска, и от Новгорода, и от Северских, а след., и от Киевских, и от Рязанских князей. Москва, таким образом, в качестве города является крепкими воротами Владимирского княжества на самой проезжей дороге. Как княжеский город она прямая дочь Владимира, как и Владимир был прямой сын Суздаля и внук Великого Ростова. Таково было историческое родство и преемство этих городов, оставивших впоследствии все свое богатое историческое наследство одной Москве.

Начало и судьба *Города* Москвы принадлежат уже истории летописной. Мы в этом изыскании о первом ее поселении или о первом ее селе пытались только собрать указания, где в действительности возрождалось это поселение в незапамятные для истории времена. Как видели, оно гнезилось на перекрестном очень бойком пути всех внутренних, так сказать, срединных сношений древнего *Залесского* населения Русской Земли, у перевала из речной долины Москвы-реки в речную же долину реки Клязьмы, вблизи двух небольших рек: Восходни, ныне именуемой Сходнею, и Яузы, вершины которых достигали этого перевала и потому служили самую удобною дорогою в лесных непроходимых дебрях, с одной стороны от Западных торго-

¹⁷ Грамоты XIV и XV вв. иссл. Д. Мейчика, 113.

¹⁸ Собр. Госуд. Грамот I, 190.

¹⁹ Акты Археогр. Экспед. I, 87.

вых путей, с другой – от торгового Юга. Политические причины уже летописной междоусобицы указали место теперешнему городу Москве у ворот не от Запада, у древней Восходни, а от Юга к упомянутому перевалу, вблизи устья Яузы. От этого Юга берега Москвы-реки, в дальнем и близком от них расстоянии, точно так же, как и у Восходни, были сравнительно густо населены, на что указывают многочисленные курганы, рассеянные в местностях сел Царицына, Борисова, Братеева, Сабурова, Котлы и др.

II

Сказания о начале Москвы-города

Когда и как сперва произошло начало Москвы, когда и как она зародилась на своем месте, об этом книжные люди стали гадать и рассуждать только с той поры, когда Москва явилась сильною и славною, царствующим великим городом, крепким и могущественным государством, когда у книжных людей, из сознания этого могущества, сами собою стали возникать вопросы и запросы, как это случилось, что Москва-город стала царством-государством?

Таким именно вопросом начинается одно из сказаний о ее начале, более других сохраняющее в себе несомненные следы народных эпических преданий.

Ответом на этот вопрос, конечно, могли появиться только одни неученые и, так сказать, деревенские гадания по смутным преданиям или же, с другой стороны, ученые измышления по источникам старой книжности. Так и исполнилось.

И не в одной Москве зарождался этот любопытный вопрос. Едва ли не с большим вниманием старались разрешить его и западные книжные люди, у которых имя Москвы стало разноситься с нескрываемым любопытством еще со времен Флорентийского собора (1439), на котором Европа впервые узнала, что на далеком глухом Севере существует непобедимая Православная сила, именуемая Москвою. С того времени начались и ученые толкования, откуда происходит самое имя этой неведомой дотоле Московии. Писавший о Москве в тридцатых годах XVI ст. ученый историк Павел Иовий обратился за этим толкованием даже и к древнему Птолемею и писал между прочим: «Думаю, что Птолемей под своими Модоками (Амадоками) разумел Москвитян, коих название заимствовано от реки Москвы, протекающей чрез столичный город того же имени».

Наши московские доморощенные гадания о происхождении города Москвы ограничивались очень скромными домыслами и простыми здравыми соображениями, согласно указаниям летописи, существенная черта которой *описание лет* всегда служила образцом и для составления произвольных полусказочных вставок. Так, самое скромное мышление присвоило основание города Москвы древнему Олегу, несомненно, руководствуясь летописным свидетельством, что Олег, устроившись в Киеве, нача города ставити и устави дани Словеном, Кривичем и Мери. Если Олег уставлял дани Мерянам и города сооружал, то в области Мери (Ростов, Суздаль) он должен был из Киева проходить мимо Москвы и очень немудрено, что мог на таком выгодном для себя месте выстроить небольшой городок, если такой городок не существовал еще и до времен Олега. И вот в позднейших летописных записях появляется вставка: «Олег же нача грады ставити многие и прииде на реку глаголемую Москву, в нея же прилежат реки Неглинная и Яуза, и постави град не мал и прозва его Москва и посади на княжение сродников своих».

Впрочем, с таким же вероятною можно было постройку города Москвы присвоить и Святославу, который ходил на Оку и на Волгу и затем победил Вятичей, живших на Оке; но о Святославе начальный летописец не сказывал, что он города ставил. Об Олеге же догадка впоследствии пополнилась новым свидетельством, что древний князь, построив Москву, посадил в ней княжить своего сродника, князя Юрия Владимировича. Здесь выразилась еще неученая деревенская простота в составлении догадок, далеких еще от явного вымысла. Она не в силах была удалиться от летописной правды и позволила себе только нарушить эту правду неверным, но весьма существенным показанием о князе Юрие, все-таки прямом основателе города Москвы. В народной памяти хронология отсутствует.

В том же роде были обработаны и ходившие в Москве народные предания, перепутавшие события и имена в одну связь особого сказания, о котором упомянуто выше.

Но вскоре к деревенской простоте собственно Московских гаданий пришла на помощь Киевская, то есть в сущности Польская историческая ученость в лице Феодосия Софоновича, составившего в 1672 г. целую *«Хронику з Летописцев стародавних, з Нестора Печерского и иных, также з хроник Польских о Руси, отколь Русь почалася»*, а вместе с тем и особую статью *«Отколь Москва взяла свое название»*. Потом в лице Иннокентия Гизеля, по-видимому, сократившего это сочинение в своем знаменитом Синописе или *«Кратком (собрании) описании о начале Словенского народа»* с некоторыми своими прибавками в том же роде²⁰; затем и в лице дьякона Холопьева на Мологе монастыря, Тимофея Каменевича-Рвовского 1684–1699 гг., который хотя и был Москвичом, но по прозванию, несомненно, принадлежал к ученым Киева; который поэтому в сочинительстве, как и когда произошли Словены и Руссы, превзошел своих ученых братьев богатством фантазии и необыкновенною смелостью вымысла. Конечно, его труд был только сборником тех литературных измышлений, какие в то время появлялись в Киевских школах по указанию и под влиянием Польской учености.

А эта ученость, разыскивая и объясняя, откуда взялся Москва-народ, очень усердно и с обширною начитанностью (у Стрыйковского) толковала, еще с конца XVI ст., что *«Мосох или Мезех, шестой сын Иафетов, внук Ноев, есть отец и прародитель всех народов Московских, Российских, Польских, Волынских, Чешских, Мазовецких, Болгарских, Сербских, Карватских, и всех, елико есть Славенский язык; что у Моисея Мосох, Московских народов праотец, знаменуется (упоминается) такожде и у Иосифа Флавия в Древностях; что ни от реки, ни от града Москвы Москва именование получила, но река и град от народа Московского имя восприяли; что имя сие: Мосох, Мокус, Моска, Моски, Москорум, Московитарум, Модокорум и проч. все древние историки, Еврейские, Халдейские, Греческие и Латинские и новейшие Мосоха, Москвы праотца и областей того имени, во многих местах непрестанно и явно упоминают; что третий брат Леха и Чеха, Рус, истинный наследник Мосохов от Иафета, великие и пространные полуночные и восточные и к полудню страны размножил и населили народами Русскими...»* и так далее.

Перед такую ученостью о чем возможно было помышлять Московским простым книжным людям, начитанность которых ограничивалась церковными только книгами и боязнью прикоснуться к писателям внешних для Церкви мудрецов.

И вот ученица Польской учености, знаменитая для Москвы Киевская ученость, заповившая Москву и ее деревенское невежество ученым ужасающим Славянским языком, обстоятельно и взаправду стала толковать о происхождении Москвы-народа и имени Москвы-города, а также и всех Славян прямо от праотца Мосоха.

Поэтому в Синописе Гизеля были отделены особые главы *«О Мосоху прародители Словено-Российском и о племени его»* и другая *«О наречии Москвы, народа и Царственного Града»*, – в которой *«Наречия это Москва, от имени праотца Мосоха ишедшее, еще оно искони вестно древним летописцем: бе, обаче на мнозе и в молчании пребываше»*, – но впоследствии *«величеством славы престола княжения от Владимира града пренесенного, Богоспасаемый град Москва прославился и прародительное в нем имя Мосоха в народе Российском отновися»*.

Воспитанник Киевской учености, упомянутый дьякон Каменевич-Рвовский, пошел далее и рассказывает следующее.

Мы приводим в подлиннике его сказания, как образец литературной работы, водворенной в Москве Киевскою ученостью:

«Прииде же Мосох Иафетович, шестый сын Иафетов, господарь наш и князь первый, в страну Скифскую великую и Землю нашу сию, так предъименуемую, на места селения сего Московского, на ней же земле мы ныне жительствуем.

²⁰ Словарь Писателей Духовного чина. М. 1827, т. I, 199, т. II, 288.

И тогда же той Мосох князь Иафетович сотворил убо себе и всему роду своему, иже суть с ним пришедшему, первобытную селитву свою и основание начальное жительства своего, — патриарха бо он быв первый той и отец наш, князь великий Мосох Иафетович, и господарь всем нам.

Начать же селиться на сем предызбранном и предлюбезном его и пренадвысочайшем и всепрекрасном месте своем Московском, над двумя реками, на нем же и ныне есть месте всепреславном, святой и предцарствующий и славою предыменитою предъвозсиятельствующий и предпреименованный всепревеликий град Москва по имени реки тоя Москвы, под ним сущия и текущая, стоит. Сию же реку тогда сущую безымениту бывшую от исперва, он Мосох князь, во пришествии своем к ней и поселении прекрасном и излюбленном, переименовал ю Мосох князь по имени своему, самого себя и жены своей княгини прекрасная и предлюбезная, нарицаемая *Квы*. И тако по сложению общекупному имен их, князя нашего *Моса* и княгини его *Квы* красная преднаречется тогда река та до них самих изначала безыменитая предбывшая, Москва река прозванием их и от тогда, даже убо и до днесь тако зовома она есть. Вторую же меньшую реку, впадшую и текущую в ту же в Москву реку, преименовал ю Мосох вместо чадородий своих честных, сына своего первородного, именуемого сие *Я*, именем и прозванием своим так зовома *Я*, тогда же с ним предприбывшаго, и во имя дочери своей *Вузы* прекрасная и прелюбезная, тако предзовома, с ним же тогда предприбывшая. И тако же назва ю реку ту безыменитую вторым прозванием, и тех же детей своих общекупным их именованьем *Явуза* река. И та река *Явуза*, даже и до ныне такожде звашеся».

И созда же тогда Мосох князь и градец себе малый над пред-высокой горе той, над устии Явузы реки, на месте оном первопробытном своем имено Московском, идеже и днесь стоит на горе оной церковь каменная святого и великого мученика Никиты, бесов мучителя и от верных человек тех прогонителя, иже котории от оных зло страждут и имя мученика святое призывают с верою...

Сей же Мосох князь Московский бысть и началородный нам и первый отец не токмо же Скифо-Москво-Славено-Российским людям, но и всем нашим своеобразным государствам премногим и народам и землям и племенам и коленам Скифским...»

Разыскивал о происхождении имени Москвы и ученейший академик немец Байер. Не зная русского языка, он толковал, что имя Москвы происходит от *мужского* монастыря — Мозсо1 от Мш (муж) и Мш1к (мужик) (Кар. II, пр. 301). Кроме того, Татищев утверждал, что «имя Москва есть Сарматское, значит *крутящаяся* или *искривленная*, от того, что течением весьма излучины делает, да и внутрь Москвы их не скудно» (Истории Российской кн. 2, с. 478).

Приведенные наивные сказки о Мосохе, составляющие полную характеристику Киевской исторической учености, были приняты Москвичами с тем доверием, какое внушала им эта почтенная ученость и в особенности ее печатная книга (Синописис), почему и были внесены в разные летописные сборники, как начало древних лет Руси. Однако неученые и невежественные Москвичи, как их чествуют и упрекают Мосохом иные историки, и тогда уже почитали все это вздорною ложью. В одном летописном сборнике конца XVII ст., принадлежащем нашей библиотеке, есть небольшое рассуждение по этому предмету, озаглавленное так: «Написание бысть о Мосохе Афетове сыне». Автор затем говорит: «Бысть о сем сумнение, како положил (и напечатал) Иннокентий (Гизель) в Печерской обители в Киеве в лето 7182 (1674). Ничто же о сем разумеющим книжное писание trebно и полезно есть, но ложь обретется в писании его... Это у него в летописце напечатано не против божественного писания и старых древних летописцев, *своим изволом*, к похвале Мосоха и Москве реце. Буди то от его (Мосоха) родов вся Словенская и Русская (земля) распространилася, несть сие полезно и не праведно... А о сем Мосохе ничто же бысть в писании... ни о части его в Русийские Земли... о сем в писании в Словенских и Греческих летописцах не бысть написано до 182 года» (т. е. до первого издания Синописиса).

Самый Синописис здесь назван *Польским* Летописцем весьма справедливо, потому что он составлен главным образом из Польских источников, особенно из Стрыйковского. И все-таки за эту Киевопольскую ученость всегда укоряли и до сих пор укоряют старую Москву, указывая на Синописис, как на образец Московского ученого невежества²¹.

А деревенская простодушная Москва ни в чем подобном и не была повинна. Она гадала об Олеге, но не забывала и настоящей правды о князе Юрии Владимировиче.

По всему вероятно под влиянием той же пришлой учености, пребывавшей, как известно, и на Крутицах, сочинено было другое сказание об основании города Москвы, по которому это основание приписывается князю Данилу Ивановичу.

«В лето 6714 (1206 г.) князь великий Данило Иванович после Рюрика короля Римского 14 лето пришел из Великого Новгорода в Суздаль, и в Суздале родился ему сын князь Георгий и во имя его созда и нарече град Юрьев Польский и в том граде церковь великолепную созда во имя св. Георгия каменную на рези от подошвы и до верху. И по создании того храма поехал князь Данила Иванович изыскивати места, где ему создати град престольный к Великому

Княжению своему и взял с собою некоего гречина именем Василья, мудра и знающа зело и ведающа чему и впредь быти. И въехал с ним в *остров* (лес) темен, непроходим зело, в нем же бе болото велико и топко и посреди того острова и болота узрел князь Великий Данила Иванович зверя превелика и пречудна, троеглава и красна зело... и вопросиша Василия гречанина, что есть видение сие пречудного зверя? И сказа ему Василий гречин: Великий княже! *на сем месте созиждется град превелик и распространится царствие треугольное* и в нем умножатся различных орд люди... Это прообразует зверя сего троеглавого, различные на нем цвета, то есть от всех стран учнут в нем люди жити... Князь же Данила Иванович в том острову наехал посреде болота *островец* мал, а на нем поставлена хижина мала, а живет в ней пустынный, а имя ему Букал и потому хижина словет Букалова, а ныне на том месте царский двор²². И после того князь Данило Иванович с тем же гречином Василии спустя 4 дни наехал горы (крутицы), а в горах тех стоит хижина мала, и в той хижине (хизине) живет человек римлянин имя ему Подон... Возлюби, Князь Великий место сие, восхоте дом себе устроити... Той же Подон исполнен Духа Святаго и рече говорит: Княже! не подобает тебе здесь вселиться, то место Дом Божий: здесь созиждут Храм Божий и пребудут архиереи Бога Вышняго служители. Князь же Данило Иванович в шестое лето на хизине Букалове заложи град и нарече имя ему Москва, а в седьмое лето на горах Подонских на хизине Подонове заложи церковь Всемилоствигаго Спаса и устрои ю светолепну. И в 9 лето родися у него два сына князь Алексей и князь Петр. Он же князь великий Данило Иванович вельми любя сына Алексея Даниловича, во имя его созда град к Северу и нарече имя ему Олексин и тамя обрете в острове мужа именем *Сара земли Иверския* свята и благоговейна зело и на его хизине заложи град Олексин (сравн. Кар. II, пр. 301). И по девятом лете приде из Грек Епископ Варлам к князю Данилу Ивановичу и многия чудотворны мощи с собою принесе; и князь Данило Иванович принял его с великою честью и любовию и повеле ему освятити храм на горах Подонских и да ему область Крутицкую и нарекома его владыкою Сарским и Подонским: тако нарекошася Крутицы».

²¹ Особенно насмешливые упреки *Мосохам* раздавались с высоты Академической немецкой науки, которая, однако, допускала непрерывные издания Синописиса при Академии Наук в Санкт-Петербурге. Известно более десятка изданий Синописиса: три первых в Киеве 1674, 1678, 1680 гг., два в Москве 1714 и 1718 гг. и семь в С.-Петербурге 1735–1810 гг. Потом в 1823 г. было напечатано в Киеве второе (после трех первых) издание Киевское, *исправнейшее*, с сохранением всех Мосоховых басней. Есть издания 1836 и 1846 гг. в СПб. Такое количество изданий показывало, что в народной среде Синописис пользовался немалым почетом и распространением, заменяя собою своего рода учебник.

²² В 1615 г. мая 31 упоминается церковь Воскресения Христова, что на Букалове. А. О. П. № 896. Но видимо, что это урочище ошибочно написано вместо Булгаково, как обыкновенно обозначалась эта церковь – строение Булгаковых. Она стояла на Варварском Крестце.

Очень явственно, что это сказание сочинено на Крутицах каким-либо досужим мирянином или церковником, однако же не совсем знакомым с тогдашнею ученостью, которая могла бы пространнее рассказать о зачале Москвы с непременно упоминанием о Мосохе. К тому же сочинитель указывает, что он был родом или житием от города Алексина.

Неученые Москвичи не умели складывать сказки по вольному замыслу, как составлена эта Крутицкая сказка, и держались в своих литературных опытах старого обычая летописцев, приставляя непременно к своему рассказу и лета событий. Единственным образцом для их писательства была именно не чужая, а своя родная летопись. Других образцов они не знали и, подражая летописцам, вносили в свои повести ходившие в народе предания и несомненные остатки уже забытых песенных былин.

Таким характером отличается самая обстоятельная по составу повесть «О зачале Московского Княжения, како – зачало бысть, а ныне великий пресловущий и преименитый царствующий град сияет».

Еще Карамзин заметил, что эта повесть писана размером старинных русских сказок и изобретена совершенным невеждою, то есть не согласно с достоверными летописцами, что, конечно, и подтверждает ее сказочное былинное происхождение. Она внесена между прочим в летописный Сборник, принадлежащий нашему собранию рукописей и составленный главным образом из Новгородских летописцев позднейшего состава.

Здесь повести дается другое краткое заглавие сверху страниц «О зачале Москвы и о князе Даниле Суздальском», которое еще больше указывает на ее былинный характер.

Как летописная же Запись, она начинается следующим годом по порядку собранных годов: «В лето 6789 (1280 г.) месяца Октября в 29 день по Владимире Князе во Владимире граде державствовав князь Андрей (1294–1304) Александрович, а в Суздале граде державствовав князь Данило Александрович Невского». После этого летописного вступления автор начинает свою повесть былинным складом:

«Почему было на Москве царством быти и кто про тое весть что Москве Государством слыти?

Были на этом месте по Москве реке села красныя, хорошия, боярина Кучки. У того ж боярина были два сына красны зело; не было таких красных юнош ни во всей Русской Земле. И сведал про них князь Данила Александрович Суздальской и спросил у Кучка боярина двух сынов его к себе во двор с великим прещением. И сказал ему: если не дашь сынов своих мне во двор и я на тебя войною приду и тебя мечем побью, а села твои красныя огнем пожгу. И боярин Кучко Степан Иванович, убоясь страха от князя Данила Суздальского и отдал сынов своих обоим князю Данилу Александровичу Суздальскому. И князю Данилу полюбились оба Кучкова сына. И начал их князь Данила любить и жаловати, и пожаловал единого в стольники, а другого в чашники. И полюбились те два юноши Данилове княгине Улите Юрьевне; и уязви ея враг на тех юнош блудною яростию, возлюбил бо красоту лица их, и диаволим разжением смесился любезно.

Умыслили они со княгинею, как бы им предати князя Данила смерти. И начали звать князя Данила в поле ездить ради утешения, смотреть зверского уловления заецев. И бысть ему на поле. И егда въехали в дебри и начали они Кучковичи предавать его злой смерти. И князь Данила ускочив от них на коне своем в чащу леса. И бежал от них подле Оки реки, оставя коня своего. Они же злые человеки и убийцы, аки волки лютые, напрасно (нежданно) хотяху восхитить его. И сами были в ужасе многом, искавши его и не обретоша, но только нашли коня его.

Князь же добежал с трудом до перевоза. Не имел он что отдать перевознику за перевоз, только был у него на руке золотой перстень; и хоть перстень давал перевознику. А перевозник

говорил ему: «Лихи де вы люди оманчивы, как де вас перевезу реку, и вы, не дав, так и уходите не отдав», а познав его, что он князь Данил Александрович.

Князь обещал ему тот золотой перстень вдать, если перевезет его Оку реку. Перевозник, приехав близко к берегу от другой стороны Оки реки и быв против князя, протянул весло к нему и говорит: “Подай перстень на весло, перевозного (отдай) вперед и я перевезу Оку реку”. Князь Данило мнил, что он правдивый человек, мнил, что не солжет и положил ему перстень на весло. Перевозник, взяв на весле перстень, отвалил от берега в перевозне (лодке) за Оку реку и не перевез его.

Князь Данил побежал подле реки Оки, бояся за собою погони людей его. И прошел тот день к вечеру темных осенних ночей. И не имел князь где прикрыться; пусто было место в дебри; и случайно нашел он в том дебри струбец мал стоящ; под ним же погребен был некоторый мертвый человек. Князь влез в тот струбец и закрылся в нем и забыл страх мертвых. И почил тою ночью темную осеннюю до утрия.

А сыновья боярина Кучка Степана Ивановича были в сетовании и в печали и в скорби великой, что упустили князя Данила живого от рук своих, ранена. И пришли в раскаяние и реша в себе: “Лучше было благо и не мыслити и не творити над князем такого дела смертного, потому что утече от нас князь Данило ранен во град Владимир к брату своему князю Андрею Александровичу. И придет нам за то зло князь Андрей с воинством и будет нам от них злая казнь и смерть различная и лютая; а княгине Улите повешеной быть на вратах и зле растленной; или в землю до плечь живой закопаной быть, что мы напрасно умыслили зло на князя неправедно”.

И злая княгиня Улита, наполнил дьявол ея сердце злой мысли на мужа своего князя Данила Александровича, аки люту змею ядовитую. Распалися сатанинским наваждением блудныя тоя похоти, возлюбив бо окаянная малодобрых наложников Кучковых детей любовников своих; исповедала им все тайны мужа своего, сказала: “Есть у мужа моего пес выжлец. И как он князь Данила ездил против врагов своих на грозныя побоища на Татар, или Крымских людей, приказывает мне, отъезжая, когда де я от Татар или Крымских людей убит буду, или каким иным случаем придет смерть мне безвестная, или на бою в трупах человеческих сыскать и познать меня не можно, или в плен буду взят от Татар; и которым путем в которую землю свезут меня живого и в которую страну, – и ты пошли на взыскание меня дворян своих с тем псом и вели им пустить того пса пред собою просто, а самим ехать за псом и где будет жив свезен и пес тою дорогою дойдет до меня; или на поле буду мертв безвестно или на бою убит и во многом трупии человеческом, образ от кровавых ран пременился, или не познают меня, – и тот пес отыщет не ложно, и мертвому мне начнет радоваться и тело мое лизать начнет радостно”.

И на утро княгиня Улита того пса отдала тем своим любовникам и твердо им приказывает, где бы князя с тем псом не нашли, там его скорой смерти и предайте без милости. Они же злые убийцы, злого ума той злоядницы княгини Улиты наполнившись, пустили того пса скорей. Приехавши на то место, где вчера князя Данила ранили и с того места пса пустили наперед себя... Пес бежит перед ними, они за ним скоро едут. И бежал пес по берегу Оки реки и набежал оной струбец, где ухоронился князь Данил, и увидел князя Данила и начал шею свою махати, радуясь ему. Те же искатели его, увидев пса радующегося и хвостом машущего, скоро вскочивши, скрывают струбец и находят тут князя Данила Александровича. И скоро князю смерть дают лютую, мечами и копьями прободоша ребра ему и голову отсекоша, и опять в тот струбец покрыли тело его.

Благодарный князь Данил был четвертый мученик, принял мученическую смерть от прелюбодеев жены своей. В первых мучениках Борис и Глеб и Святослав убиты были от брата своего окаянного Святополка, рекомого Поганополка. Так и сии Кучковы дети приехали во град Суздаль и привезли ризу кровавую князя Данила и отдали ее княгине Улите и живут с нею в том же прелюбодеянии незаконном по прежнему.

Не скоро ходит весть во Владимир град ко князю Андрею Александровичу, что сотворилось таковое убийство над братом его князем Данилом Александровичем. Сыну же его князю Иоанну Даниловичу, внуку Александру, оставшемуся младу сущу. Токмо, и яр и лют, приял младенца от рождения его, храняше его, верный раб отца его именем *Давыд Тудермив*.

По смерти Данилове прошло уже два (месяца). И сжалился тот верный слуга Давыд о сыне князя Иоанне Даниловиче и взяв его тайно ночью и паде на кони и гнав с ним скоро ко граду Владимиру, ко князю Андрею Александровичу, к стрью его. И сказал все слуга тот по ряду, что сотворилось во граде злое таковое убийство над братом его князем Данилом Александровичем.

Князь Андрей сжалился по брате своем, как князь Ярослав Владимирович по братии своей Борисе и Глебе, ратию отмстил кровь братий. Також и сей новый Ярослав, князь Андрей Александрович, прослезился горько по брате своем князь Даниле Суздальском и воздев руки свои на небо и рече со слезами: “Господи Владыко Творец всех и содетель, отмсти кровь... сию неповинную брата моего князя Данила”...

И собрал князь Андрей во граде Владимире своего войска 5000 и поиде ко граду Суздалю. И слышат во граде Суздальцы и боярина Степана Ивановича Кучка дети, что идет с воинством; и взял их страх и трепет, что напрасно пролили кровь неповинную. И не возмogli они стать против князя Андрея ратоваться; и бежали к отцу своему боярину Степану Ивановичу Кучку. А князь Андрей пришел в Суздаль град. Суздальцы не воспротивились ему и покорились ему, государю князю Андрею Александровичу: “Мы не были советниками на смерть князя своего, твоего брата князя Данила, но мы знаем, что жена его злую смерть умыслила с любовниками своими Кучковичами и мы можем тебе Государю пособствовать на тех злых изменников”.

Князь Андрей повелел княгиню Улиту поимать и казнить всякими муками и предал ее смерти лютой, понеже она, злая таковая княгиня Улита, безстудная дела соделала и не утратилась Бога Содетеля, и вельмож, и великих людей не утратилась, и от добрых жен укоризны и посмеху не постыдилась, своего мужа предала злей смерти, и сама окаянная княгиня ту же злую смерть приняла.

И собрали Суздальцы 3000 войска, князь Андрею в помощь пошли. Князь Андрей со всем воинством идет, на боярина Степана Ивановича Кучка. И не было у Кучка боярина кругом красных его сел ограды каменные, ни острога деревяного; и не возмoже Кучко боярин против князя Андрея боем битися. И вскоре князь Андрей всею силою и емлет приступом села и слободы красныя, и самого Кучка боярина и с его детьми в плен; и повелел их оковать железы крепкими, и потом казнил боярина Кучка и с детьми его всякими казнями различными и лютыми. И тут Кучко боярин и с детьми своими лютую смерть принял.

В лето 6797 (1289) марта в 17 день князь Андрей Александрович отмстил кровь брата своего, победил Кучка боярина и злых убийцов, что убили князя Данила брата его. И все их имение и богатство разграбив. А сел и слобод красных не пожег. И воздал славу Богу в радость и препочил тут. И на утрие возстав, и посмотрел по всем красным селам и слободам и вложил Бог в сердце князю Андрею, и те красныя села ему князю полюбились и рассмотрев, помышлял в уме своем на том месте град построить, видево бо место прилично, еже граду быти. И вздохнув из глубины сердца своего, воздев руки на небо моляся Богу со слезами и сказал: “Боже Вседержитель Творец всем и создатель! Прослави Господи место сие и подаждь Господи помощь хотения моего устроить град и создать святыя церкви”. И оттоле князь Андрей сел в красных тех селех и слободах, начал житьствовать. А во граде Суздале и во Владимире посадил державствовать сына своего Георгия. А племянника своего, братия сына, князя Иоанна Даниловича к себе взял и воспитал его до возраста в добром наказании.

Тот же благоверный князь Андрей Александрович воздвиг церковь древяну Пречистыя Богородицы Честного Ея Благовещения и невелику сущу... Также повелел град основати около

тех красных сел по Москве реке и имянование граду тому положил. А в то время был во Владимире Максим Митрополит всея Руси, его благословением. Ему же способствовали Суздальцы, и Владимирцы и Ростовцы и все окрестные. И так совершиша град Божиею помощию. А состроен град в лето 6799 (1291) июля в 27 день. И оттоле нача именоватись граду Москве.

Пожил тот благоверный князь Андрей во граде Москве и устроил Божия церкви многия и преставился в лето 6813 (1305). Оставляет град Москву и приказываете державствовать племяннику своему князю Иоанну Даниловичу. А сын Андреев Георгий, нарицаемый Юрий, Суздальской и Владимирской, преставился прежде смерти отца своего Андрея *Московского* за одно лето; но только у него остался наследник по нем, сын его Дмитрий Юрьевич, еще млад, четырех лет и двух месяцев. А тот князь Иоанн Данилович, дошел полного возраста. И даровал ему Бог добрый разум и премудрость и был благодарствен и верен, благочестив и нищелюбив, аки златой сосуд исполнен доброго и честного бисера. И взял к себе Димитрия Юрьевича Суздальского, сродича своего и воспитал его в добром наказании. Под сию же Московскую область принял державствовать грады и Суздаль и Владимир».

Затем сокращенно из Степенной Книги излагаются события из жития Петра митрополита о написанной им иконе Богородицы и о посвящении его в митрополиты. Его прибытие в Москву обозначено годом 6816 (1308). «Марта в 22 день прииде из Владимира града к Москве преосвященный Петр митрополит, благослови князя и нарече его Великим Князем Московским и всея Руси. Его же виде блаженный Петр в православии сияюща, всякими добрыми делы украшена, милостива до нищих, честь подающа Божиим церквам и служителем и нача больше иных мест жити в том граде, и зело возлюбил его Божий Святитель».

Известное пророчество святителя о Москве значительно распространено новыми прибавочными словами, «яко по Божью благословению Всемогуция и Живоначальная Троицы и Пречистыя его Богоматери и церковей Божиих будет и монастырей святых безчисленное множество и наречется сей град второй Иерусалим и многим державством обладает не токмо всею Россиею, но и во вся страны прославится в восточныя и южныя страны и северныя, и пообладает многими ордами до теплого моря и до студеного окияна, и вознесется Богом державство десницы его отныне и до скончания миру»²³.

Другое Московское сказание о начале Москвы также носит характер летописной записи с обозначением годов и представляет в своем роде сочинение на заданную мысль знающего книжника, который старается доказать, что Москва, подобно древнему Риму, основана на крови, с пролитием крови. Ниже мы увидим, что в своем вступлении к сказанию он воспользовался речами старца Филофея, доказывавшего, что Москва в действительности есть Третий Рим. По этому поводу сочинитель рассказывает следующее.

«О зачале царствующего града Москвы, како исперва зачатся» (по другому списку: «Зачатие великого царства Московского»).

Все убо христианския Царства в конец доидоша и снисдошася во едино царство нашего великого Государя. По пророческим книгам это есть Российское царствие.

Два убо Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быти. По истине град Москва именуется *Третий Рим*, понеже и над сим было вначале то же знамение, как над первым и вторым. И если оно и различно, но в сущности одно и то же, – это кровопролитие.

Первый Рим создан от Рома и Ромила... Начали копать, Алиан (аbIа – дворец, палаты) здати, обретоша главу только что убитого человека, свежая теплая кровь текла из нея, и лице являлось, как живое. Волхвы – мудрецы, искусные толкователи подобных знамений, сказали: «Сей град *глава* будет многим, но не вскоре, а по времени, после многих убийств (закланий) и пролития кровей многих».

²³ Летописный Сборник XVII ст., принадлежащей нашей библиотеке.

Так и второму Риму, т. е. Константинополю основание и зачатие было не без крови же, но по убийстве и по пролитии кровей многих.

Точно так и нынешнему, сему третьему Риму, Московскому Государству зачатие было не без крови же, по пролитии, и по заклании и убийстве»²⁴.

А что некоторые от окрестных стран, враждя и понося (Московское Государство), говорят: Кто чаял, или кто когда слышал, что Москве граду царством слыть, и многими царствами и странами обладать, так это говорят, не разумея Божией силы и пророческих речений, ибо Всемогуц Господь и от несуществующего в существующее привести, как искони Вселенную.

«Был на Великом Княжении в Киеве сын Владимира Мономаха князь Юрий. Он старшего своего сына Андрея посадил в Суздале. В лето 6666 (1158) ехал князь Юрий из Киева во Владимир к сыну Андрею и наехал по дороге место, где теперь град Москва по обе стороны реки. Стояли тут села, а владел ими некий зело богатый боярин, имя ему Кучко Степанов (Иванов, по другому списку). Тот Кучко встретил Великого князя зело гордо и не дружелюбно. Возгордился зело и не почтил в. князя подобающею честию, а к тому и поносил ему. Не стерпя той хулы в. князь повелел того боярина ухватить и смерти предать. Так и было. Видев же сыновей его, млады суще и лепы зело и дщер едину, такову же благообразну и лепу, в. князь отослал их во Владимир к сыну своему Андрею. Сам же князь Юрий взыде на гору и обозре с нее очима своиима, семо и овамо, по обе стороны Москвы реки и за Неглинною, возлюбил села оныя и повеле вскоре сделати град мал, деревян, по левую сторону реки на берегу и прозва его званием реки Москва град». Потом князь идет во Владимир к сыну Андрею, женит его на дочери Кучковой, заповедует ему град Москву людьми населити и распространити и возвращается в Киев и с сыном Андреем. Затем рассказывается история Андрея Боголюбского, как он из Киева принес во Владимир икону Богородицы, как был благочестив и как потом убит злодеями Кучковичами в союзе с его княгиней, которая негодовала на него за то, что перестал разделять с ней брачное ложе, отдавшись посту и молитве. В лето 6684 (1176) пришел из Киева во Владимир брат Андрея князь Михайло Юрьевич, избил убийц и вверг их в озеро (в коробех), а жену его повелел повесить на воротах и расстрелять из многих луков.

Затем идет краткий перечень последующих князей включительно до Ивана Калиты, выбранный из летописцев и не содержащий ничего особенного.

В заключение упомянуто, что от сыновей Калиты по степеням дошло и до сего последнего великого и приснопамятного и святопрожившего Государя Царя Феодора Ивановича, при котором, следовательно, и была составлена эта летописная повесть.

По-видимому, эта повесть сочинена, как упомянуто, книжным человеком с целью в точности приравнять Москву – Третий Рим к двум первым Римам, именно по поводу пролития крови при их основании. Если Москва явилась Римом, то и характер ее первоначалия должен быть такой же, вполне Римский, то есть кровавый. Поэтому надо было отыскать, сочинить обстоятельство, которое могло бы доказывать надобное совпадение случаев кровопролития в древнейшем Риме и в новой Москве.

Если легенда о казни или убийстве боярина Кучка и идет из народного предания, то сказание о третьем Риме наводит большое сомнение в народном происхождении этой легенды и указывает больше всего на прямое сочинительство события с боярином Кучком. По наследству от первого Рима явилась кровь и для основания Третьего Рима.

Карамзин заметил, что эта сказка, вероятно, основана на древнем истинном предании. Действительно, несомненные свидетельства летописей указывают, что бояре Кучковичи существовали и именно в большем приближении у князя Андрея Боголюбского. В 1155 г. они пере-

²⁴ Эти сказания о каком-то созидательном значении кровопролития при постройке славных городов, по-видимому совпадают с господствовавшим в средние века (на Западе) народным поверьем, по которому при сооружении какого-либо здания, в особенности более значительного, требовалось закладывать живое существо и на его крови положить основной камень, отчего здание никогда не будет разрушено. (Соч. Гейне, изд. Маркса, т. III, с. 365).

манили его переехать из Киева в Залесский Владимир «без отча повеления, лестию подъяша»; а в 1174 г. они являются главными руководителями заговора против Андрея и его убийцами. Тверская летопись рассказывает несколько иначе это событие. Она говорит, что Андрей был убит от *своих бояр от Кучковичев*, по научению своей жены, которая однако ж была не Кучковна, как говорит приведенная легенда и позднейшие летописи, а Болгарка родом, и держала на князя злую мысль особенно за то, что он много воевал Болгарскую землю «и сына своего посылал туда (Мстислава, в 1172 г.) и много зла учини Болгарам», – так что она является мстительницею за разорение своей родины, что весьма вероятно. Княгиня жаловалась на князя втайне Петру, Кучкову зятю, следовательно, она была в том же злодейском заговоре против князя. Ближайшею причиною заговора и злодейства летопись обозначает то, что Андрей велел казнить одного из Кучковичей, именно брата возлюбленного своего слуги, Яким Кучковича²⁵. Яким и решает дело. На пиру у Петра, Кучкова зятя, он поднимает всех речью: «Как нам быть с князем? Вчера он *брата моего казнил*, а нынче, пожалуй, казнит и нас. Промыслим о своей жизни». Таким образом, Яким Кучкович, упоминаемый в легенде, является мстителем за смерть своего брата, имени которого (Петр по легенде) летопись не называет, но указывает, что месть совершена в Петров день, на другой день после казни.

Если по летописи существовали двое Кучковичей, указанных легендою, то могло случиться и событие, в ней описанное: неверен только год. В 1158 году Юрия уже не было в живых; он умер в 1157 г.²⁶ Но зато в Тверской же летописи находим весьма любопытное свидетельство. В 1156 г. «Князь великий Юрий Володимерич заложи град Москву на устниже (на устьи, ниже) Неглинны, выше реки Аузы»²⁷.

Ошибка в годе незначительна, но весьма значительно обстоятельство, что Кучковичи (по легенде, млады суци, в год построения Москвы, т. е. в 1156 г.) еще в 1155 г. переманивают Андрея во Владимир, действуя против воли его отца.

Московские предания и былины, ходившие в народе в течение веков и дававшие материал для сочинительских сказаний, должны были хорошо помнить имена первых героев Москвы, ее основателей и устроителей, князей Юрия, особенно Андрея (Боголюбского), Данилу, Ивана и бояр Кучковичей.

Былины и предания не могли помнить только года, не могли последовательно расставить события, перепутали их, как перепутали имена, и вспоминали одно главное, что при основании Москвы произошел роман, совершено убийство, пролита кровь. Но очень видимо, что главным источником для этих сказаний и былин послужили обстоятельства убийства Андрея Боголюбского, где главными героями являются именно Кучковичи.

Зерно рассматриваемого сказания заключается в том, что основание или построение города Москвы связано с убийством ее прежнего владельца, – из-за женщины, из-за любовных связей, как стали сказывать о том более поздние сочинители. У Татищева (История, кн. II, 300) находим основанное на этой же легенде романическое повествование.

«Юрий, – говорит историк, – хотя имел княгиню любви достойную и ее любил, но при том многих жен поданных своих часто навещал и с ними более, нежели с княгинею, веселился, ночи сквозь на скомонех (музыка) проигрывая и пия, препроводил... Между всеми полюбовницами жена Тысяцкого Суздальского Кучка наиболее им владела и он все по ее хотению делал».

Когда Юрий пошел к Торжку (в 1147 г.), Кучка не последовал за ним, а возвратился в свое село, посадил свою жену в заточение и сам хотел бежать к врагу Юрия, Изяславу. Услыхавши об этом, Юрий в ярости воротился из похода на Москву-реку в Кучково жилище и тотчас убил

²⁵ Иначе *Кучковитина* (Лет. Воскр. 89, и Степ. Книга I, с. 305), что может указывать на его землячество из Кучкова, рекше из Москвы.

²⁶ Впрочем, по Ипатской летописи Юрий помер в 1158 г., мая 15, в среду, что по дням и числам оказывается неверным и относится именно к 1157 году.

²⁷ П. С. Р. Л. XV, 225.

Кучку, дочь его выдал за сына своего Андрея и, облюбовавши место, заложил здесь город. По случаю Андреева брака он и позвал к себе на веселье Святослава Ольговича. Рассказывая эту повесть, Татищев ссылается на свой раскольнический манускрипт или летопись, полученную им от раскольника. Повесть потом была внесена и в «Записки касательно Российской Истории Императрицы Екатерины II» (часть II, 112) и повторена у Стриттера в его «Истории Росс. Государства», ч. I, с. 253, как повторялась и у многих других писателей.

Можно было бы поверить этому сказанию, если бы не приводили к сомнению другие, совсем подобные же повести, рассказанные историком про других князей. Так, на с. 242 того же тома своей «Истории» Татищев такими же чертами, как горячего сластолюбца, рисует и вел. князя Мстислава Великого, который точно также от жены не скупно чужих жен посещал...

Приводим это повествование по рассказу Карамзина (II, пр. 256), много смягчившего подлинный цинический рассказ.

«Один евнух – так повествует наш Историк, хотя и другими словами, – говорит Карамзин, – сказал Мстиславу: “Ты, князь, воюешь, занимаешься делами или веселишься с друзьями, а не знаешь, что делается у твоей княгини: с нею видится наедине Прохор Васильевич”. Мстислав отвечал с улыбкою, как философ: “Я любил свою первую жену, Христину; однако ж, будучи молод, любил и других красавиц; она видела и молчала. Теперь моя очередь видеть и молчать на старости, советую и тебе не говорить о том”. Однако же Тиун Прохор был сослан в Полоцк и скоро умер. Наши Летописцы не выдумывали таких непристойных басен. Сия сказка взята из Длугоша (Hist. Pol., с. 463); но там дело идет о короле Польском».

Таким образом, сочинение Татищева о похождениях великого князя Юрия Долгорукого при основании Москвы города есть чистейший вымысел, представляющий попытку украсить Историю о зачале Москвы новым, наиболее любопытным сказанием.

Надо заметить, что все *печатные* сказания, поступившие в оборот исторической литературы, когда требовалось говорить о начале царствующего города, пользовались, по преимуществу, только тем сказанием, о котором идет речь.

Писатели сокращали повествование, прибавляли некоторые подробности в объяснение темных или недосказанных, мест и, заимствуя друг у друга вкратце содержание повести, по местам искажали его подлинные указания.

Обстоятельнее всех других воспользовался этим старым сказанием, как и другими, изложенными выше, знаменитый Сумароков. В своей «Трудолюбивой Пчеле» (январь 1759 г.) он напечатал небольшую статью «О первоначалии и созидании Москвы», где, с некоторыми своими домыслениями изложив содержание упомянутого сказания, передает и Крутицкие Сказания о пустыннике Букале, Подоне, Саре, епископе Варлааме и пр. Затем вкратце следует История созидания города включительно до царя Федора Ив.

В другой статье «Краткая Московская Летопись» он слово в слово поместил свой пересказ помянутого сказания с тем же добавлением имен Кучковых сыновей – Петр, Хоаким и дочери Улита. А в новом пересказе добавил имена Кучковых сел: «Селения Кучки были *Воробьево* на Воробьевой горе; *Симоново*, где Симонов монастырь; *Высоцкое*, Петровский монастырь; *Кудрино* и *Кулижски*, тако и по ныне именуемые; *Сухощаво* от пересыхания речки, ныне *Сушово*; *Кузнецкая Слободка*, где Кузнецкий Мост. И тамо были еще селения, где Вшивая горка, Андрониев монастырь, тамо где Красный пруд и где был Чистый пруд. А жилище Кучково у Чистого пруда было».

Прибавим также, что Москва река прежде называлась *Смородиною*, по всему вероятно, заимствуя это сведение из народной песни о злосчастном добром молодце, как это увидим в нижеследующем изложении. «Имя Москвы, – рассуждает автор, – производят некоторые от Мосоха; однако, того ни каким доводом утвердить невозможно и кажется то вероятнее, что Москва имеет имя от худых *мостков*, которые на сем месте по болотам положены были... В сем, от чего сей город восприял свое имя, преимущество есть равное, от *Мосоха* ли или от

мостков; но то удивительно, что худые мостки целому великому Государству дали имя». О худых мостках автор в другом месте рассуждает, что Москва-река, протекая чрез Московские воды, имела мостки, где ломались оси, колеса и дроги, ради чего при мостке чрез Неглинную поселились и кузнецы, отчего и поныне мост через ту реку называется Кузнецким мостом. От сих мостков главная река получила наименование, а от реки и город²⁸.

Так подлинные Рукописные Сказания пополнялись новыми уже печатными домыслениями.

Сумароков писал о первоначалии Москвы, по всему вероятно, в ответ ходившим в его время вопросам и запросам со стороны любопытствующего общества. Его писания и составили основу для объяснений первоначальной Истории Москвы.

«Сама Императрица (Екатерина II), по-видимому, очень желала знать наиболее достоверную и обстоятельную историю о первоначалии города и потому именным указом повелела Надворному Советнику Михаилу Ильинскому написать Историческое описание о начале города Москвы, как и по каким причинам она основалась, кем и когда Престол туда перенесен? И отчего сей город получил тогда свое возвышение. Пребывание в нем митрополита, (вообще) дела по церкви, в Москву стекаясь, не были ли главнейшею причиною как умножения силы сего города, так и соединения княжеств?»

В ответ на эти вопросы сочинитель представил «Опыт исторического описания о начале города Москвы», небольшую книжку в 100 с. в 1/8 д. л. М. 1795 г., в которой, основавшись на историях Татищева и Щербатова и на некоторых летописцах, изобразил собственно политическую Историю города, довольно рассудительно очерченную. За свой труд он получил Всемилостивейшую награду – тысячу рублей, которые были препровождены князем Потемкиным к митрополиту Платону для передачи автору.

Между тем, писания Сумарокова повторялись во всех сочинениях, касавшихся этого предмета, конечно, с различными вариантами и новыми домыслами.

Тогдашний не менее знаменитый критик исторических сочинений генерал-майор Болтин, разбирая Историю кн. Щербатова, сказавшего, что кн. Святослав Ольгович был призван кн. Юрием в Москву, писал следующее:

«Святослав Ольгович приезжал к Георгию в село Кучково, а не в Москву, и не для свидания, но яко званный гость на свадьбу к его сыну. На сем месте, где ныне Москва, было тогда село Кучково, прозванное так по имени его владельца, Тысяцкого кн. Юрия, Кучки. В самое сие время кн. Юрий приехал в село Кучково, оною Кучку за некоторое его преступление казнил, жену ж его (уже не дочь) выдал за сына своего Андрея, приглася на свадьбу и сказанного Святослава Ольговича, бывшего на то время в области Смоленской. Между тем кн. Юрий, полюбя местоположение села Кучкова, определил быть тут городу и при себе положил ему основание, однако ж сей новозаложенный град остался при старом имени и долго потом назывался Кучковым».

В другом месте Болтин пишет, что кн. Юрий, построив городок, «однако ж от детей Кучковых его не отнял, и они владели им до самого того времени, как за убийство кн. Андрея, у которого супругою была их сестра, они были казнены. И во все то время городок сей назывался прежним своим именованием Кучково. После казни детей Кучковых переименован по имени реки Москвою и более, может быть, для того, чтоб название цареубийц Кучков из памяти истребить, подобно, как Яик прозван Уралом» (Критические примечания на первый том, с. 190, на второй том, с. 183).

Подобные, уже от учености, сказания продолжались и в новейшее время. Беляев (Ив. Дм.) по поводу рассматриваемых здесь старых сказаний представил целую обстоятельную не малого объема повесть «О борьбе земских бояр с княжескою властью».

²⁸ Полное собрание сочинений А. П. Сумарокова, часть VI, М., 1781 г., с. 163, 240, 303.

Он говорит, что «Кучко был богатый боярин и могущественный землевладелец в здешнем крае, по словам предания, не только не думавшей признавать княжеской власти, но и прямо в глаза поносивший князя Юрия Влад. Долгорукого. Таковое отношение Кучка к Юрию прямо говорит, что Кучко был не дружинник князя, а старинный земской боярин, по всему вероятно, древний колонист Новгородский, принадлежащий к роду первых насельников здешнего края, пришедших сюда из Новгорода еще до приглашения Рюрика с братьями»²⁹.

Далее рассказывает автор, что пришел в этот край кн. Юрий и начал заводить новые, собственно княжеские порядки, «начал строить города и приглашать поселенцев из Приднепровья и других краев Русской Земли и тем стеснять полное приволье здешних старожильцев, особенно богатых земских бояр, из старинных Новгородских колонистов. На эти стеснения и новости, вводимые поселившимся здесь князем, земские бояре, не привыкшие ни к чему подобному, конечно, отвечали или глухим неповиновением, или явным сопротивлением и даже оскорблением князя...

Народное предание, конечно, не без причины указало на села и слободы боярина Кучка, как на главное гнездо боярского сопротивления княжеской власти, и олицетворило это сопротивление и боярскую надменность в мифе боярина Кучки.

Но здешние бояре, слишком самонадеянные и гордые, не были в силах дать надлежащее сопротивление князю и даже не имели достаточных укреплений, за которыми бы могли успешно обороняться; и потому, как и следовало ожидать, при первой же встрече они потерпели поражение, и Степан Иванович Кучко за свою дерзость поплатился головой; а князь Юрий Влад., управившись с неожиданным противником, в самых имениях Кучка *построил княжский город*, чтобы таким образом утвердить за собой и своим потомством ту самую местность, где встретил сильнейшее сопротивление своей власти». Вот в чем заключалась вся борьба земских бояр с княжескою властью! (Русский Вестник 1868 г. Март.)

И это баснословие также поступило в оборот сказаний о первоначалии Москвы. В книге «Москва. Исторический очерк» (М., 1883 г.) оно поместилось в сокращении на первых страницах.

К числу новейших сказаний должно отнести и уверение историка Д. И. Иловайского, что Москва-город основалась именно там, где на Москве-реке существовал некогда *каменистый* порог. «Около середины своего течения (ближе к устью?), – говорит автор, – извилистая река Москва в одном из своих изгибов преграждается небольшим каменистым порогом. Вода с шумом бежит по этому порогу и только в полую воду покрывает его на значительную глубину. Этот-то небольшой порог (ныне подле храма Спасителя, под бывшим Каменным мостом) и послужил первоначальною причиною к возникновению знаменитого города. Выше порога река по своему мелководью только сплавная, а ниже его она судоходна». Описывая далее судоходство по рекам в Москву, автор указывает, что «Окою суда спускались до устья Москвы, поднимались вверх по этой реке и доходили до помянутого *порога*. Здесь путники опять покидали суда и сухопутьем отправлялись в стольные города Ростов, Суздаль и Владимир...»³⁰.

Этот порог в действительности существует и донныне. Он состоит из нескольких рядов деревянных свай, набитых в разное время по случаю устройства Каменного моста. Русло

²⁹ Свое мнение о Новгородском происхождении боярина Кучки и о том, что Москва первоначально была построена в Новгородской земле, автор основывает на том обстоятельстве, что в Переписной Новгородской Книге 1500 г. упомянута деревня *Кучково* и ее поселяне Сидорка да Ондрейка Тимошкины дети Кучкова, в лице которых он видит «род из старинных новгородских вотчинников *Кучковичей*» (Временник О. И. и Др., Кн. II, с. 216 и Смесь, с. 29). Это примечание усвоено и Снегиревым (Москва. Подробное Историческое и Археологическое описание города. М. 1865 г., с. 1 и 103), который подкреплял его и своими соображениями и указаниями все-таки недостаточно основательными. С такою же вероятностью можно выводить Кучково и Кучковичей не только из Новгорода, но даже и от Поморских Славян, у которых существовали имена мест Cuckow, Cuckevitz, Kuckevitz. А также необходимо припомнить и одно из имен Игоревых послов к грекам *Куци*, так как Кучково именуется и Куцковым.

³⁰ История России, II, с. 2 и 3; Моск. Вед. 1890 г., № 22.

Москвы-реки на самом деле течет над сплошным пластом горного известняка, который в иных местах обнаруживается на дне реки, но порогов нигде не устраивает. Если возможно было набить в дно реки деревянные, хотя бы и короткие по длине, сваи, то это прямо указывает, что до пласта горного известняка остается еще значительный слой песков и глин, лежащих над этим пластом.

По поводу всех изложенных выше рукописных преданий и печатных домыслов можно сказать словами автора книги «Москва или Исторический Путеводитель» (М., 1827 г., ч. I, с. 1), что «достоверные летописи не сообщают нам никаких точных известий ни об основателе Москвы, ни о времени ее начала, почему важное сие событие и остается под завесою темных догадок, основанных на разных сохранившихся до наших времен *“неверных повестях”*, не говорим о новейших повествованиях, в роде повести о *земских боярах*, или о том, что у Каменного моста существовал каменистый, а на самом деле только деревянный порог».

Самое событие, передаваемое рукописною легендою, что князь Юрий казнил боярина Кучку, подвергается большому сомнению, так как оно явилось для доказательства, что и *Третий Рим, Москва*, тоже основан на пролитой крови. По всему вероятию, это такой же вымысел, как и борьба земских бояр с княжескою властью.

Таким образом, остается более ценным народное предание о князе Данииле, которое в сущности есть спутанный пересказ истинного события – убийства Кучковичами князя Андрея Боголюбского.

О Москве – Третьем Риме стали толковать, что эту легенду придумали сами Москвичи, вдохновляемые своею невежественною гордынею. Это так же верно, как и сказание о происхождении имени Москвы от Мосоха, которым упрекали Москвичей тоже в качестве их непомерной гордыни и круглого деревенского невежества.

Легенда, а вернее сказать, народная мысль о Москве, как о Третьем Риме, возникла и стала распространяться во всем Православном мире еще со времени Флорентинского Собора (1439 г.), когда второй Рим, знаменитый Царьград, в лице своего императора и главных своих представителей, променял свое православное первенство на чечевичную похлебку врагу Восточной церкви, *Риму* первому, а теперь папскому Риму, и когда этот папский Рим узнал, что Православная крепкая сила еще существует, именно в далекой и дотоле почти совсем незнаемой Москве, непоколебимо отринувшей недостойную Флорентинскую сделку, на которую второй Рим – Царьград так бесславно согласился.

Все православные народности Востока, Греки и Славяне, в это же время узнали, что единственным защитником и поборником Православия явилась далекая Москва, прославленная на соборе уже могущественным государством, о чем для своей же пользы должен был рассказывать и самый изменник Православию, Исидор, хотя сама по себе Москва еще только зарождалась настоящим Государством. Затем гибель Второго Рима от завоевания Турками уже окончательно утвердила в понятиях Православных народностей, что далекая Москва остается единственным могучим Государством, способным охранять Восточную веру от всяких нападений.

По крайней мере, все упования верующих в одной Москве находили точку опоры, в одной Москве чувствовали непобедимую Православную силу, к покровительству которой и потекли все обездоленные и разоренные от Турецкого владычества или притесненные от Папы. С той поры Москва явилась щедрой благотворительницею для угнетенных народностей, особенно для Греков, не перестававших появляться в Москве за милостыней.

Очень естественно, что люди, потерявшие свой Рим, обращали свои упования на Москву, как на новый *Третий Рим* и могли высказывать эту простую мысль Московским книжным людям.

К тому же и ход событий очень благоприятствовал распространению и укреплению такой мысли. После брака Ивана III на Греческой Царевне Софье Москва на самом деле явилась наследницей второго Рима, т. е. исчезнувшего Византийского Царства. Брак был устроен Папою в видах привлечения Русской Церкви к подчиненно Папской Церкви, но он послужил только к новому возвеличению Москвы в глазах всего Православного мира.

Прибывшие с царевной греки разве не могли помышлять о Москве, как о настоящем Третьем Риме, в виду разраставшейся политической силы Московского Государства, крепкого охранителя Православной Церкви.

Как бы ни было, но в Москве с того времени стали ходить толки и рассуждения о значении двух Римов, древнего и нового – т. е. Цареградского; новым назвал его сам царь Константин, строитель Византии. Ходили толки и о наследстве, кто будет наследником и восстановителем этого нового Цареградского Рима, завоеванного теперь Турками. И так как Московский Государь являлся теперь единым на всем Христианском Востоке независимым Православным Государем, то простая мысль уже прямо указывала, что таким наследником и восстановителем православного Рима может быть и должна быть только одна Москва. Другого могучего представителя и охранителя Восточного Христианства теперь не было. Это сознание выросло у всех покоренных Турками православных народностей. Оно принесено было и в Москву и таким образом и в Москве между книжными людьми воцарилась мысль о Третьем уже Московском Риме.

В первой четверти XVI ст. в Псковском Елеазаровом монастыре жил старец Филофей, человек сельский, как он писал о себе, учился только *буквам*, а Еллинских борзостей не текох, а риторских астрономий не читал, ни с мудрыми философами в беседе не бывал, учился только буквам благодатного закона, т. е. книгам св. Писания.

Несмотря на такой скромный отзыв о своей особи, старец однако, судя по его писаниям, принадлежал к образованнейшим книжникам своего времени.

Он написал обширное послание к жившему во Пскове (1510–1528 г.) царскому дьяку Мих. Мунехину о звездочетцах в ответ на вопрос дьяка, как разуместь приходящие от Латыни астрономические гадания, предсказывавшие, что в тот 1524 г. последует пременение всего видимого мира.

Разрешая этот вопрос, на основании Бытейских книг, и опровергая кощуны и басни Латинских астрономов, старец касается и вероисповедных различий с Латинством, а также и о переменении в судьбах царств и стран, что не от звезд это приходит, но от Бога.

Обращаясь затем к своей современности, старец пишет, что Греческое Царство разорилось и не созиждется, потому что греки предали Православную Греческую Веру в Латынство; что если стены и столпы и палаты Великого древнего Рима не пленены, зато души их от дьявола были пленены опресноков ради; что вместо Римской и Константинопольской церкви ныне в богоспасаемом граде Москве Православная церковь едина во всей вселенной паче солнца светится; что Моск. Государь теперь во всей поднебесной единый христианам царь и браздодержатель Святых Божиих Престолов св. Вселенские церкви. «Все христианские царства преидоша в конец и снисдошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Российское Царство. Два убо Рима падоша, а *третий* стоит, а четвертому не быти... Христианские царства потопишася от неверных, токмо единого нашего Государя царство, благодатию Христовою, стоит. Подобае Царствующему держати сие с великим опасением и не уповати на злато и богатство исчезновенное, но уповати на Вседающего Бога».

То же самое старец писал и к самому вел. князю и первоизбранному царю Василию Ивановичу.

«Старого убо Рима Церковь пала неверием Аполлинариевой ереси, второго Рима Константинова града Церковь агаряне секирами и оскордами разсекоша. Сия же ныне третьего

нового Рима державного твоего царствия Святая Соборная Апостольская Церковь во всей поднебесной паче солнца светится.

Ведай и внимай, благочестивый царь, что все царства Православной Христианской Веры снисдошася в твое единое царство; Един ты во всей поднебесной христианам Царь». Эти самые речи потом в 1589 г. повторены и в речи к царю Феодору Ив. от Константинопольского патриарха Иеремии при установлении в России патриаршества³¹.

Таким образом, идея о Третьем Риме в Москве не была праздною мыслью каких-либо досужих книжников, но представляла крепкое убеждение всего духовного чина Русской Церкви, и старец Филофей высказывал только укоренившееся уже в сознании Русского высшего духовенства мнение о первенстве Русской Церкви во всем Восточном Православном Море, именно по тому поводу, что Московский Государь оставался единым державным представителем в Православном Христианстве.

После того, как распространились такие мысли о Третьем Риме в Москве, явилась надобность доказать, что Третий Рим – Москва и по своему зачалу не отделяется от двух своих собратий, а точно также основан на пролитии крови, о чем и толкует приведенное сказание о зачале Московского Царства.

Уподобление шло дальше: Второй Рим Царьград в древних писаниях по своему местоположению нередко прозывался *Седмихолмным* и *Седмихолмием*.

И по нашей летописи известно, как Царь Константин Великий сооружал Царьгород. Пришедши в Византию, он увидел на том месте *седьм гор*; и повелел горы рыть, равнять место для будущего города. Потом повелел размерить местность не *три угла*, на все стороны по *семи* верст. Во время работ внезапно вышел из норы змий и пополз по размеренному месту. Но в тот же час с высоты упал на змия орел, схватил его, полетел на высоту и исчез там из глаз на долгое время. Потом он упал вместе со змием на то же место – змий его одолел. Собравшиеся люди убили змея и освободили орла. Царь был в великом ужасе перед этим явлением. Созвал книжников и мудрецов и рассказал им явившееся *знамение*. Мудрецы, порассудивши, объяснили царю, что эта местность будущего города назовется *Седмохолмный* и прославится и возвеличится во всей вселенной... Орел есть знамение христианское, а змий знамение бесерменское; а что змий одолел орла – это значит, что бесерменство одолеет христианство; а что христиане змия убили, а орла освободили, это значит, что напоследок опять Христианство одолеет бесерменство и *Седмохолмного* возьмут и в нем вцарятся.

Так был построен Новый (второй) Рим. Он погиб от бесерменства. Но явился Третий Рим, который, по сказанию, как христианская сила, необходимо должен победить бесерменскую силу.

Об этом стал мыслить и стал питать надежду, что так и совершится, почти весь угнетенный бесерменством Христианский Восток, именно в то время, когда стал усиливать свое могущество любезный нам Третий Рим. До наших дней, замечает летописец XVI ст., Греки хвалятся государевым царством благоверного царя Русского и надежду на Бога держат.

В том же Цареграде объявились сами собою предсказания, что победу над бесерменством исполнит никто иной, как именно *русский род*. Очень естественно, что наш летописец воспользовался этими гаданиями цареградских христиан и внес в летопись их же свидетельство, что если исполнились предсказания (Мефодия Патарского) о гибели Цареграда, то исполнится и последнее предсказание, как пишут, что «Русский род Измаилита победят и *Седмохолмного* приимут и в нем вцарятся» (П. С. Л. VIII, 126, 143. Никон. V, 222–227).

Таковы были ходячие легенды о *Седмохолмном*. Ясное дело, что по этим легендам и Третьему Риму, славному городу Москве, надо быть также Седмохолмному.

³¹ Правосл. Собеседник. 1861 г. ч. II, 82, 90, 91, 96 и 1863 г. ч. I, с. 344. Собр. Г. Гр. II, 95.

Топографическое расположение Москвы в действительности представляет как бы очень холмистую местность, где легко обозначить не только *семь*, но и более разнородных холмов. По-видимому, эта мысль о семи московских холмах уже ходила в народе с того времени, как было составлено приведенное выше сказание о Третьем Риме. Один из иноземных путешественников в Москву, Яков Рейтенфельс, еще в семидесятых годах XVII ст. упоминает уже о семи холмах и пишет, между прочим, что «Город (Москва) расположен на семи средних по высоте холмах, кои тоже не мало способствуют наружной его красоте». Другой путешественник Эрколе Зани (1672) тоже повествует, что город «заключает в своей окружности семь холмов»³².

Иностранцы едва ли могли сосчитать Московские холмы, не очень явственные и для тутошних обывателей, а потому несомненно они записали только ходячее сведение у тогдашних грамотных Москвичей, которые очень хорошо знали свои урочищные горы, напр., *Красную горку* возле университета, *Псковскую гору* в Зарядье, *Гостиную гору* у Николы Воробино, *Львицкую гору* на Воронцове, *Вшивую* при устье Яузы и т. д. и по этим горам могли насчитать полных семь гор или *семь* холмов. Однако, нам не встретилось никаких указаний на такое старинное перечисление Московских холмов.

В наше время толки о семи холмах особенно настойчиво были проводимы известным историком Москвы Ив. М. Снегиревым.

В разыскании московских семи холмов принимали участие естествоиспытатель Фишер фон-Вальдгейм, журналист Сенковский, историк Погодин.

Вероятно, при содействии Снегирева естествоиспытатель Фишер в месторасположении города нашел именно *семь* холмов, маковицы которых, т. е. самые высокие места, он указывает – для первого холма колокольню Ивана Великого. Другие маковицы находятся: для второго холма на Покровке церковь Успения Богоматери, для третьего – Страстной монастырь, для четвертого – Три горы, для пятого – Вшивая горка; для шестого – Лафертово, т. е. Введенские горы, и, наконец, для седьмого холма местность от Нескучного до Воробьевых гор.

Погодин вместо Трех Гор указывал возвышенность от Самотеки и Трубы к Сухаревой башне. Сенковский насчитал девять холмов, полагая Три Горы за три холма.

По мнению Снегирева вообще «Москва составляет такую *котловину*, коей дно усеяно холмами с их пригорками»³³.

Таковы новейшие сказания собственно о месторасположении Москвы. По этому поводу мы приводим здесь наши наблюдения, изложенные в критическом разборе сочинения Снегирева по изданию г. Мартынова.

Москва, действительно, лежит «на горах и долинах», но эти горы и долины образовались собственно от потоков ее рек и речек. В сущности же, в общем очертании Москва большею частью занимает ровную местность, что замечали и иностранные путешественники еще в XVI ст. В ее черте нет даже таких перевалов, какие находятся, напр., в ее ближайших окрестностях под именем «Поклонных гор». Горы и холмы Москвы суть высокие берега ее рек; долины и болота – низменные, луговые их берега; таким образом, эти горы будут горами только в относительном смысле. Кремль – гора в отношении к Замоскворечью, так как местность Ильинки или Варварки – гора в отношении к низменному Зарядью; Маросейка в отношении к Солянке (Кулижкам); но и Кремль, и Ильинка, и Маросейка суть ровные места в отношении к Сретенке, Мясницкой и т. д. Поток Москвы-реки, как и всех почти мелких рек Московской области, в своем извилистом течении, беспрестанно поворачивая в разных направлениях, образует почти при каждом более или менее значительном повороте обширные луга, долины, которые нередко своим общим видом, окруженные высокими берегами, представляют действительные котловины. В отношении таких-то котловин высокие берега, разумеется, становятся горами.

³² Чтения Общ. Истории и Древн. 1891 г. Кн. 3, с. 165, 169.

³³ Памятники Моск. Древности, с. СУП; Москва, издание Мартынова, с. 86.

Месторасположение Москвы и состоит из таких гор и долин; в этом и заключается общая характеристика ее топографии, но это же самое не дает точного основания представлять местность Москвы «котловиною, усеянную на ее дне холмами».

Ровная местность, на которой, главным образом, расположена Москва, бежит к Москве-реке с севера от Дмитровской и от Троицкой (Ярославской) дороги.

Оттуда же, с севера, от боровой лесистой стороны к югу, в Москву-реку текут – Неглинная посредине; к востоку от нее – Яуза, а к западу – речка Пресня. Приближаясь к городу, эта ровная местность начинает распределяться потоками упомянутых трех рек на несколько возвышений, т. е. возвышений лишь относительно русла этих потоков, относительно их небольших долин, которые ими промыты.

Главная, так сказать, станова́я возвышенность направляется от Троицкой и Миусской заставы сначала по течению речки Напрудной (Самотека), а потом Неглинной прямо в Кремль; проходит Мещанскими через Сухареву башню, идет по Сретенке и Лубянке (древним Кучковым полем) и вступает между Никольскими и Ильинскими воротами в Китай-город, а между Никольскими и Спасскими воротами – в Кремль, в котором, поворачивая несколько к юго-западу, образует при впадении в Москву-реку Неглинной, – *Боровицкий мыс*, – срединную точку Москвы и древнейшее ее городище, где, на месте нынешней Оружейной палаты, против разобранный церкви Рождества Иоанна Предтечи на Бору, первой на Москве, были найдены даже *курганн*ые серебряные вещи: два витых шейных кольца (гривны) и две серьги, что, разумеется, служит свидетельством о незапамятном поселении на этом же Боровицком мысу или остроге.

С восточной стороны эта продольная возвышенность, образуя посредине, в Земляном городе, между Сухаревой башней и Красными воротами или между Сретенкой и Мясницкой *Дебрь* или *Дербрь* (Никола Дербенский) с ручьем Ольховцем, постепенно скатывается к Яузе, сходя в иных местах, в верхней северной части, почти *на нет*, а в иных, по нижнему течению Яузы, образуя довольно значительные взгорья, особенно подле Маросейки в Белом-городе и подле Зарядья в Китай-городе, и, выпуская от себя в Яузу, в верхней части несколько речек и ручьев: прежде *Рыбенку*, текущую через Сокольничье поле, потом *Чечеру*, на которой *Красный пруд*, с ручьями *Ольховцем* и *Кокуем*, теперь уже забытым, текущим в Чечеру с севера из Елохова (Ольхова), потом ручей Черногрязку и, наконец, ручей – Рачку (на котором Чистый пруд), текущий через Кулижки и впадающий в Москву-реку подле устья Яузы.

По сторонам этого ручья Рачки возвышенность образует в Земляном городе береговое взгорье: Воронцово, Воробино, Гостыну гору, а в Белом – взгорья древнего урочища Бор и Сады у Ивановского монастыря, впереди которых к Яузе лежит обширная низменность Кулижка и Васильевский луг (где Воспитательный дом). В Китай-городе та же возвышенность образует Псковскую гору, по которой идет улица Варварка с низменностью урочищ: *Мокрое*, *Болото* (Зарядье). Затем возвышенность с той же стороны делает по Москве-реке Кремлевское береговое взгорье с низиною впереди к реке, называемую Кремлевским *Подолом*.

Другая часть той же северной ровной возвышенной местности идет в город от северо-запада, от дорог Дмитровской и Тверской, почти параллельно правому берегу Неглинной, который спускается к реке, вообще, довольно покато. С западной стороны этой возвышенности, также от севера, течет *Пресня*, с ручьями, опуская местность постепенно к Пресненским прудам.

Та же местность, приближаясь с западной стороны к Москве-реке по сю сторону Пресни, образует крутые берега в Дорогомилове (горы Варгуниха, Дорогомиловская, Бережки), которые, идя дальше, постепенно понижаются к Девичьему монастырю. За Преснею те же берега делают урочище *Три горы*, с новым Ваганьковым.

Проходя по *Занеглименью*, эта же возвышенность делится у Белого-города на две ветви Сивцевым вражком и Черторьею (по Пречистенскому бульвару). Одна ветвь, восточная, в

Белом-городе образует урочище *Красную горку* (Университет) и Остров (Воздвиженка), а при впадении в Москву-реку Черторыи – мыс, где теперь новый храм Спасителя и где найдены арабские монеты половины IX века. Другая, западная ветвь, в Земляном городе, образует возвышенность Пречистенки и Остоженки, за которыми на юго-запад уходит в Девичье поле и в Москворецкие луга за Девичьим монастырем к Воробьевым горам.

Левый восточный берег Яузы, вообще довольно возвышенный, оканчивается у Москвы-реки мысом же с горками Лыщиковою и Вшивою, от которых береговое взгорье идет и по Москве-реке, образуя Красный холм, Крутицы, Симоново, откуда прекрасные виды.

Замоскворечье представляет луговую низменность, где по берегу против Кремля и Китая находился великокняжеский *Великий луг* и *Садовники*. В середине, ближе к западу, на Полянке, эта низменность имела также Дебрь или Дерзь (церковь Григория Неокесарийского, что в *Дербицах*), а к Москве-реке, с той же западной стороны, оканчивается береговыми взгорьями—урочищами: *Бабьим городком*, *Васильевским* (Нескучное), *Пленицами* (связки плотов дровяного и строевого леса), где Андреевский монастырь, проходя такими же взгорьями к Воробьевым горам. Такова общая характеристика месторасположения Москвы (Наши Опыты изучения Русских Древностей и Истории, II, 224–228), «замечательно верная», по отзыву специалиста-исследователя рельефа города Москвы, почтенного Межевого Инженера Д. П. Рашкова.

Закончим наш краткий обзор сказаний о начале Москвы и обзор ее месторасположения толкованием, откуда происходит самое имя Москвы.

Имя Москвы вероятнее всего, как утверждал еще Ходаковский, происходит от слова мост, мосток. Буслаев, напротив, утверждал, что такая этимология, без сомнения, ошибочная, потому что слово Москва, вероятно, финского происхождения. Однако в древнем топографическом языке находим, напр., в местах Рязского города Рязанской области речку *Мостковую Рясю*, упоминаемую и во множественном числе *Мостковые Рясы*, а также с опущением буквы *т* – *Московые* Рясы. В тех же местах находим речку *Мостейку*. В 1504 г. в межах городов Кашина и Ростова упомянуто болото и именно болото *Мостище*. Это имя нередко упоминается в межевых спорах и препирательствах, относящихся к первой половине XVI ст., где находим также *Мостище* с прозванием Старое, *Мостище* с воротцами; потом Мост Осиновый (лес); *Мостки*, *Мостицы*, речку *Мостовку* с названием ее устья *Мостовским*. Далее *Мостовку* в Угличском уезде, Бродово и Высокая тож: *Мостовку*, речку, приток р. Исети; *Мостовую* р. приток Яйвы³⁴.

Под самую Москву в Горетовом стану находилась пустошь *Мостково*, упоминаемая в 1547 г. Летописцы именуют Москву и *Московою*.

Ходаковский, собирая имена мест при городищах, упоминает, между прочим: *Мосток*, речка в Тарусском уезде; *Мостянка*, речка во Владимирском уезде; *Мосты* (бор) в Бобруйском уезде; *Мосткова*, пустошь в Старицком уезде; *Москва* речка в Осташковском уезде; *Мостова* в Ржевском уезде; *Измосты*, речка в Мещовском уезде, и, наконец, *Моства* река, впадающая в Припять выше Турова.

При самых истоках московской Москвы-реки он нашел болотистое урочище с именем *Калиновый Мосток*, который, однако, нередко поминается и в песнях, и в сказках, как ходячее присловье.

Ходаковский указывает несколько подобных имен и в западных Славянских землях. Он утверждает, что, вообще, название рек объясняется при источниках оных и что имя Москва есть сокращение *Мостковы*, *Мостквы*, производного от слова Мост (Русский Исторический Сборник, VII, 336).

³⁴ Акты собр. Федотовым-Чеховским, Киев, 1860, I, с. 37, 54, 66, 73, 123, 229, 340.— Чтения 1899 г. Кн. I, 22. — Дополн. Акт. Ист. II, 98, 101, 130; VIII, 220.

В каком смысле речки и реки, а также болота и даже бор приобретали название от слова *Мост*, на это должны ответить исследования в неведомой еще области топографического языка. Само собою разумеется, что приведенные имена прямее всего указывают на обыкновенный мост, как на удобную переправу через реки и речки и особенно через болота, но, может быть, в тех же именах, по крайней мере в некоторых, скрывается понятие о местности, служившей добрым мостом-распутием для сообщения во все стороны и во все края старинных народных сношений. Такой местностью, по-видимому, и являлась древняя Москва.

Другое, собственно эпическое, имя Москвы-реки – *Смородина* – сохранилось в былинах и песнях. В одной из былин сказывается, как:

Князь Роман жену терял;
Жену терял, он тело терзал,
Тело терзал, во реку бросал,
Во ту ли реку во *Смородину*...

В былинной же песне о бесприютном и злосчастном добром молодце река *Смородина* прямо называется Москвою-рекою и описываются подробности ее местоположения и нрава: молодец похулил ее и зато потонул в ней.

Бесприютный молодец, отставший от отца и от матери, от рода и племени, от соседей и друзей, как потерянная личность в древнерусском обществе, поехал искать счастья на чужую, сторону:

Как бы будет молодец у реки *Смородины*,
А и взмолится молодец:
А и ты мать быстра река,
Ты быстра река *Смородина*!
Ты скажи мне, быстра река,
Ты про броды кониные,
Про *мосточки калиновы*,
Перевозы частые...
Провещится быстра река
Человеческим голосом,
Да и душой красной девицей:
Я скажу те, добрый молодец,
Я про броды кониные,
Про *мосточки калиновы*,
Перевозы частые.
С броду кониного
Я беру по добру коню;
С перевозу частого
По седеличку черкескому;
С *мосточку калинова*
По удалому молодцу,
А тебя безвременного молодца
Я и так тебя пропущу.
Переехал молодец
За реку за *Смородину*.
Он отъехал как бы версту-другую,
Он глупым разумом похваляется:

«А сказали про быстру реку Смородину—
Ни пройти, ни проехати,
Ни пешему, ни конному,—
Она хуже, быстра река,
Тое лужи дождевые!»
Скричит за молодцем в сугонь
Быстра река Смородина
Человеческим языком,
Душой красной, девицей:
«Безвременный молодец!
Ты забыл за быстрой рекой
Два друга сердечные,
Два остра ножа булатные,—
На чужой дальней стороне
Оборона великая!»
Воротился молодец
За реку за Смородину...
Нельзя чтоб не ехати
За реку за Смородину:
Не узнал добрый молодец
Того броду кониного,
Не увидел молодец
Перевозу частого,
Не нашел молодец
Он *мосточку калинова*,
Поехал молодец
Он глубокими омуты... (и стал тонуть).
А и взмолился молодец:
«А и ты, мать, быстра река,
Ты быстра река Смородина!
К чему ты меня топишь
Безвременного молодца?
Провещится быстра река
Человеческим языком
Она душой красной девицей:
Безвременный молодец! Не я тебя топлю.
...Топит тебя, молодец,
Похвальба твоя – пагуба...
Утонул добрый молодец
Во Москве-реке *Смородине*³⁵.

Не описывается ли здесь то местное свойство рек, почему они получали наименование мостов и мостков, то есть способность безопасной переправы?

³⁵ Древние стихотворения Кирши-Данилова. М., 1818 г., с. 295–298. Сборник Кирши-Данилова. СПб., 1901, с. 124.

III

Старый город Кремль

Исторический обзор его местностей

1. Общий обзор

Первоначальное Кремлевское поселение города Москвы в незапамятные времена основалось на крутой береговой горе, на мысу Кремлевской высокой площади, которая некогда выдвигалась к устью речки Неглинной крутым обрывом у теперешних Кремлевских Боровицких ворот.

На таких излюбленных местностях, на крутых высоких мысах, при слиянии рек и речек или глубоких оврагов основывались все древние Русские города, как и малые городки, находившие в этом расположении местности не малую защиту и оборону в опасных случаях. Теперь Московской крутой угловой горы не существует. В течение веков она постепенно теряла свой первоначальный вид и окончательно была скрыта и уравнена пологим скатом уже на нашей памяти, в 1847 году, по случаю постройки нового Кремлевского дворца, лицевая сторона которого стоит именно на том высоком уровне площади, какой некогда высился и у Боровицких ворот.

От древнего времени осталось неизменным только одно имя горы, сохраняемое и донныне помянутыми *Боровицкими* воротами. Вся гора была *боровая*, покрытая в древнее время, конечно, дремучим бором.

На это указывает и другой свидетель, стоящий неподалеку, древний храм Спаса *на Бору* во дворе Нового дворца.

Урочище *Бор*, стало быть, обозначало всю площадь древнейшего помещения Москвы.

По-видимому, к этому Бору относится и древнее замоскворецкое урочище церковью Иоанна Предтечи *под Бором* и Черниговских Чудотворцев тоже под Бором. Выражение *под Бором*, а не на Бору, вернее всего указывает, что обозначенная местность, лежащая хотя бы и за рекою, в действительности находилась под сенью Кремлевского бора. Часть этого бора, вероятно, произрастала и по замоскворецкому берегу, но главный сплошной бор все-таки простирался по Кремлевской нагорной стороне реки, почему и явилось урочище *под Бором*. Это урочище, как местность древнего поселения, должно относиться к той же отдаленной древности, как и Кремлевское урочище *на Бору*³⁶.

Упомянутые прозвания «на бору» и «под бором» и прозвание ворот – *Боровицкие* остаются древнейшими памятниками Московской топографии, а прозвание ворот вместе с тем служит свидетельством, что самые ворота на том же месте существовали от того времени, как была выстроена первая ограда для здешнего поселка. По всему вероятно, в начальное время они открывали путь не прямо на гору, а только на Подол Кремля, как это заметно и теперь по закладенной арке в Боровицкой башне, проводившей и в позднее время к тому же Подолу.

Надо также упомянуть, что прозвание ворот неподвижно сохранялось в течение веков именно только памятью Московского народа. Царь Алексей Мих., следуя своим благочестивым побуждениям, указом 17 апреля 1658 г., повелел эти ворота писать и называть Предте-

³⁶ Существовало и еще урочище *под Бором*, как обозначалась церковь Иоанна Предтечи в Ивановском монастыре (Доп. Акт. Ист. I, 210). Любопытно, что с именем Бора в этих трех случаях соединяются и имена церковью Иоанна Предтечи. Быть может, постройкой храмов этого воина руководила какая-либо религиозная мысль, освящавшая боровую лесистую местность святым именем Предтечи соответственно народному верованию.

чинскими, во имя стоявшей перед ними церкви Иоанна Предтечи; однако не только народ, но и канцелярские официальные записи не всегда следовали этому указу и по-прежнему прозывали ворота Боровицкими.

Какая же была ограда у первого Кремлевского поселка? На это дают ответ во множестве рассеянные в близких и дальних окрестностях Москвы так называемые городки и *городища*, то есть древние места таких же поселков, каков был и первый Кремлевский. Они также устраивались на мысах или угловых высоких местах при слиянии рек, речек и оврагов, в лесной глуши, и всегда были укреплены валом и рвом. На валу, конечно, ставился еще деревянный частокол, тын, или *острог* из бревен, стоймя, остро отесанных сверху. Так, несомненно, был укреплен и первый поселок Кремля. Остатки его вала и рва были найдены близ юго-западного угла церкви Спаса на Бору при постройке Нового дворца³⁷, при чем оказывается, что церковь Спаса стояла вне окопа или ограды этого первичного поселка.

Городок и до постройки деревянных стен мог именоваться *Кремником*, *Кремлем* и *Кремлевником*, так как это имя в коренной форме *Кремь* и доселе в северном областном языке обозначает тот же *бор* или крепкий и крупный строевой хвойный лес в заветном бору, растущий среди моховых болот³⁸, которые и у Кремля оставили свое имя в улице Моховая.

У Ивановского монастыря *Кулижки* также обозначали болотистую местность.

Стало быть, прозвание Кремля идет не от крепких стен, не от крепости в смысле крепостной твердыни, а от имени *бора* – *кремника*.

В половине XV века (1461 г.), по случаю постройки вблизи Боровицких ворот упомянутой каменной церкви Рождества Иоанна Предтечи, летописец записал очень достоверное предание, что та церковь «была прежде деревянная, первая церковь на бору, в том лесу и рублена, и была соборная при св. Петре митрополите, и двор был Петра Чудотворца близко тут же³⁹».

Можно с вероятностью предполагать, что эта церковь была здесь выстроена вскоре по крещении тутошнего населения. Когда в 1847 г. каменный храм был окончательно разобран, то «под кирпичным полом каменного жертвенника (у Предтеченского престола) найдены скотские кости: лошадиная голова и две голени, из которых одна признана была за бычачью, а другая за коровью»⁴⁰. Не воздвигнута ли первая деревянная церковь на самом месте древнего языческого капища? Воименование Рождества Предтечи также может служить указанием на бывавшее здесь языческое празднество, какое с именем Купалы совершалось накануне христианского празднования в честь Предтечи 24 июня. Известно, что во времена первого крещения русских племен христианские храмы повсюду поставлялись на местах прежних языческих требищ, о чем прямо свидетельствует, первый митрополит Русин, Иларион: «Начат мрак идольский от нас отходити», говорит он. «Уже не сотонинская капища сограждаем, по Христовы церкви зиждем... капища разрушилась и церкви поставляются, идоли сокрушаются и иконы святых являются...»⁴¹

По-видимому, Предтеченская церковь занимала срединное положение в этом древнейшем городке Москвы, несомненно, как упомянуто, и в то время обнесенном земляным окопом, валом и рвом. Замечается также и общий городской обычай ставить главные соборные храмы по самой середине города. Если так было и в Московском первом городке, то это обстоятельство дает возможность, хоть приблизительно, определить пространство первоначальной Москвы, пространство, так сказать, ее зародыша.

³⁷ Гастева: Статистическое Описание Москвы. М., 1841 г. Объяснение планов, с. 4, № 55.

³⁸ Отеч. Записки 1844 г., № 2, Смесь, с. 84 и 85.

³⁹ Полное Собр. Летоп. VIII, 149. Продол. Нестора. М., 1784, с. 259.

⁴⁰ Москов. Архангельский Собор, соч. А. Лебедева. М., 1880 г., с. 142.

⁴¹ Чтения Общ. Истории и Древностей, год III, № 7, с. 32, 37.

Этот зародыш занимал Боровикий острый угол Кремлевской местности на протяжении не много более ста сажен и составлял острый трехугольник, вершина которого направлялась к Ю. З., к устью речки Неглинной, а основание примыкало к С. В., к уровню всей площади Кремля, где, не доходя церкви Спаса на Бору, был открыт, как упомянуто, ров и вал. Таким образом, весь городок помещался между Боровицкими воротами и Новым Императорским дворцом, занимая всю площадь, перегороженную теперь чугунной решеткой. Стороны этого трехугольника – южная, к Москве-реке, и западная, к Неглинной, где высятся стены Кремля и здание Оружейной Палаты – спускались к потокам рек береговыми кручами, вышиною от уровня реки почти на 15 саж. или – по другому измерению – почти на 20 сажен, как это еще заметно со стороны Кремлевского сада.

От Боровицких ворот идите прямо к Новому дворцу, держа линию на среднее окно Государева кабинета, выходящего на угол дворца, и через 120 мерных шагов вы остановитесь на том самом месте, где находилась упомянутая первая церковь Москвы во имя Рождества Иоанна Предтечи. Как упомянуто, она разобрана в 1847 г. единственно по той причине, что будто бы, как за очень достоверное рассказывали некоторые из строителей Нового дворца, нарушала красоту вида на вновь построенный дворец из Замоскворечья и в особенности с Каменного моста. Действительно, этот небольшой старинный храм, дорогой памятник Московской древности, не был уже в архитектурном согласии с новыми постройками и казался каким-то случайно здесь забытым остатком исчезнувшей первобытной Московской старины.

История исчезновения этого храма любопытна.

«2 октября 1846 г. Государь Император Николай Павлович при осмотре Нового дворца, даже и из Замоскворечья и с Каменного моста, Высочайше повелел соизволил церковь св. Иуара (как в это время прозывался древний храм по имени предела) перенести в башню Боровицких ворот, ныне же существующее ее строение разобрать» (Судьба первой церкви на Москве, А. И. Успенского. М., 1901, с. 15).

Однако у начальства Московской Дворцовой Конторы естественно возникло опасение, не произойдут ли по этому поводу разного рода волнения и толки в народе. Такие опасения возникали и прежде по таким же поводам, напр., при Императоре Александре I по случаю предполагаемого Валуевым уничтожения некоторых старых зданий Кремля.

Имея это в виду, вице-президент Конторы, непосредственно заведывавший всей постройкой Нового дворца, гофмаршал барон Боден доносил Министру Двора 12 авг. 1847 г. следующее: «Находящуюся в Кремле церковь во имя св. Иоанна Предтечи Высочайше повелено сломать и перевести в Боровицкую башню. А как этот храм принадлежит к первейшим Московским древностям, то, дабы совершенно отстранить все могущее возникнуть по сему предмету в народе разного рода толки, я полагал бы на стене башни, обращенной ко Дворцу, сделать на особо вделанных камнях надписи, объясняющие причину сего перенесения».

Митрополит Филарет одобрил эту мысль и составил две надписи, которые по Высочайшему соизволению и помещены на свои места.

Сердечным печальником о разорении храма явился известный любитель святыни А. Н. Муравьев.

Он обращался с ходатайством о спасении древней Церкви к Владыке митрополиту, но получил от него ответ в следующих выражениях: «Простите меня, что я поклоняюсь древним иконам и прочей святыне, а не расседшимся камням Василия Темного». Владыка знал о построении церкви только один 1461 год. В примечании к этому ответу Владыки Муравьев, между прочим, пишет: «Ее (церковь) хотели сохранить ради древности при устройстве Нового Кремлевского дворца и потом вдруг ради ветхости разобрали, хотя она простояла бы еще многие годы. Узнав об этом намерении, я всячески старался спасти древний храм, обращался о том и к Владыке и к князю С. М. Голицыну, но не успел, потому что двор был за границей и слишком скоро исполнилось данное повеление».

Барон Боде в особом докладе о ветхости храма доказывал, что «всякое малейшее движение (т. е., вероятно, езда по площади возле церкви) причиняло бы быстрое разрушение зданию церкви». Владыка со своей стороны произнес при освящении нового помещения храмовой Святыни на Боровицкой башне утешительное и назидательное слово Москвичам, скорбившим о разрушении церкви.

Когда церковь разобрали, то вид на дворец из Замоскворечья стал еще непригляднее. Обнаружилась обширная и пустынная кривая площадь древнейшего помещения Москвы, среди зданий, расположенных по кривым линиям, не имевших правильного фасада или лица. Все это по необходимости заставило устроить здесь, в качестве фасада, существующую теперь чугунную решетку с двумя воротами.

А тут близко, возле сломанной церкви, находился и двор святителя Петра Чудотворца, основателя всего величия и могущества Москвы. Это было в 20-х годах XIV столетия. Но тут же близко еще раньше, в 1147 г., несомненно находился и тот двор вел. князя Юрия Владимировича Долгорукого, в котором и он устраивал сильный обед и пир своему несчастному другу Новгород-Северскому князю Святославу Ольговичу. Можно с достоверностью полагать, что княжий и впоследствии митрополичий дворы с их хоромы стояли с западной стороны храма, то есть между храмом и Боровицкими воротами. Очень также вероятно, что митрополиту Петру, когда он поселился в Москве, был отдан для житья прежде бывший княжеский дворец, или же самое место этого дворца. Летописцы XV века свидетельствующие что дворец Чудотворца Петра находился на том самом месте, где в их время стоял двор кн. Ивана Юрьевича Патрикеева, перед самою церковью Иоанна Предтечи. А этот двор в прежнее время принадлежала вел. княгине Софье Витовтовне, супруге вел. князя Василия Дмитриевича, потом ее внуку князю Юрию Васильевичу, сыну вел. князя Василия Темного⁴², что вполне подтверждает принадлежность двора и в древнее время Великокняжеской же семье. Отданный митрополиту этот двор после переселения митрополита на новое место, возле Успенского Собора, по всему вероятно, поступил опять во владение великого князя.

Когда Москва в 1147 году сильно и широко угощала Новгород-Северского князя, она в то время была еще только княжеским селом, хозяйственным княжеским хутором, а потому все ее население несомненно состояло только из одних дворовых слуг князя с ключником или дворецким во главе. Но когда, через 10 лет, в 1156 г. князь Юрий Долгорукий или собственно Андрей Боголюбский устроил из своего села город, т. е. обнес село крепкими, хотя и деревянными стенами, то это значило, что Москва с той поры становилась уже не княжеским селом, а целым полком княжеской военной дружины. В то время город и дружина-полк были однозначащи. Постройка города показывала, что окрестные близкие и дальние местности были уже достаточно населены и в опасных случаях требовали безопасного убежища, каким и являлись крепкие стены города. О весьма значительном населении подмосковных мест свидетельствуют многочисленные курганы, особенно по верхнему и нижнему от города течения Москвы-реки, в местностях сел Спас-Тушина и Царицына. В случае нападения и нашествия врагов вся населенная окрестность сбегалась обыкновенно под защиту городских стен, унося с собою все дорогое и ценное из своего имущества и оставляя на произвол судьбы только постройки своих дворов. Так бывало в древней Руси во все время княжеских усобиц и Татарских и Литовских нашествий.

Но кроме того, Московский первый город ставился, как передовая сторожевая крепость со стороны Смоленских (Литовских) да и Новгородских неприятелей, для защиты нового стольного города Владимира Суздальского, а также и со стороны южных врагов, потому что дорога с юга к Владимиру пролежала через Москву и от Северной области, и от Рязани.

⁴² Летопись Новг. IV, 148. Никон. Л. V, 288. – С.Г.ГрЛ.193. – Карамзин V. пр. 386, с. 167.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.